

Кирилл
АЗАНЦЕВ

ОБОРОТНИ В ЗАКОНЕ

**ВОРОНЫ
ЛЮБЯТ ПАДАЛЬ**

Оборотни в законе

Кирилл Казанцев

Вороны любят падаль

«ЭКСМО»

2012

Казанцев К.

Вороны любят падаль / К. Казанцев — «Эксмо»,
2012 — (Оборотни в законе)

В городе Зеленодольске умер коррумпированный чиновник Томилин. После него осталось огромное состояние. Единственный наследник богача — непутевый племянник Володя, но где он скитается в данный момент, никто не знает. Этим обстоятельством и решили воспользоваться местные чинуши. Они надумали переписать наследство на подставного лжеплемянника, а затем поделить состояние между собой. Возможно, афера бы удалась, если бы внезапно не объявился настоящий племянник...

Содержание

1	5
2	10
3	16
4	22
5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Кирилл Казанцев

Вороны любят падаль

1

На пологом берегу неширокой реки, метрах в тридцати от проселочной дороги, в самый разгар рабочего дня вели беседу двое мужчин явно городского вида. День выдался необыкновенно жарким – даже лес по ту сторону реки казался будто высохшим и присыпанным пылью. Солнце жгло немилосердно. В такую погоду одежда беседующих выглядела странновато – оба были облачены в строгие черные костюмы и рубашки с галстуками. На самом же деле ничего странного в том не было, поскольку явились они сюда прямо с похорон. Чуть поодаль на дороге их ожидала машина – того класса, что безусловно предусматривает кондиционер в салоне. Водитель, солидный, средних лет, с сединой в волосах, похожий на провинциального актера, играющего благородных отцов, не спеша прогуливался вокруг автомобиля, дожидаясь пассажиров. Его хозяин, Дмитрий Николаевич Орешин, занимал в городе завидную должность, обладал немалыми возможностями и сейчас, используя свое служебное положение, вел тайные переговоры.

– Я тебя неспроста, Андрей Васильич, сюда притащил, – объяснял он своему собеседнику, отирая пот с лица обширным носовым платком с голубыми полосками. – Береженого, как говорится... В городе новые люди ожидаются, как метла пометет, никто пока не знает... Сюрпризов, скорее всего, не предвидится, но уж больно дело у нас...

Орешин зачем-то оглянулся по сторонам, однако никого не увидел и снова принялся водить платком по рыхлым румяным щекам.

– Черт знает какая жара! – пожаловался он, искоса поглядывая на собеседника и прикидывая, какое впечатление на того произвели вступительные слова. – А тут еще этот дресскод!.. Но ничего не поделаешь! Смерть приходится уважать – она, хе-хе, за каждым присматривает... Не приведи господь!

Орешин был крупным, пышущим здоровьем мужчиной, широким в кости, с грубым голосом и насмешливым взглядом, который, однако, в нужный момент исчезал в тени густых бровей.

– Да уж, – сдержанно сказал тот, к кому обращался Орешин. – Этого нам не надо. А пиджак, пожалуй, лучше снять...

Он стащил с плеч пиджак и со вздохом облегчения перекинул через локоть.

– А вы не хотите? – почтительно поинтересовался он, поднимая глаза на Орешина.

Андрей Васильевич Жмыхов всего лишь возглавлял отдел в местном УВД и к первому заместителю главы городской администрации относился с подчеркнутым пиететом. Предстоящий разговор слегка напрягал его – не так уж часто доводилось ему накоротке общаться с Орешиним. Что ему Жмыхов! Совсем другой уровень. Он с губернатором за ручку... Что-то тут не то. Действительно, неспроста выдернул его с похорон Орешин. Но что ему надо? Про какое такое дело упоминал он?

– Ты хорошо знал покойного? – вдруг деловито спросил Орешин, словно угадав мысли Жмыхова.

Полицейский пожал плечами.

– Как сказать, – осторожно проговорил он. – Приходилось, конечно, встречаться. На каких-то мероприятиях. В полицию он заходил... Но чтобы близко – нет. Я ведь нездешний. Да и возраст у нас разный. Вячеслав Сергеич намного старше был.

– Да-а, Вячеслав старой закалки зубр! – соглашаясь, кивнул Орешин, и глаза его затуманились от воспоминаний. – Кремень-мужик! Теперь таких нет. Характер, конечно, непростой, но на таких должностях без характера нельзя. Он ведь какой был – коммунист, боец! И депутатом бывал, в те еще старые времена, и прокурором города был. Таким прокурором – любого в трепет вгонял! А уж позже и в бизнес впрягся как ломовая лошадь. Ну и результат был, сам знаешь!

Орешин на секунду замолк, а потом повторил с какой-то загадочной интонацией:

– Да, результат... А вот теперь давай о главном, майор! – он быстро взглянул на Жмыхова. – Как раз о результате. Разговор будет серьезный. Мне про тебя Прокопенко говорил, что ты человек надежный, без закидонов, на жизнь смотришь реально, да и профессионал хороший... Ты оперативной работой давно занимаешься?

– Десять лет, – сказал Жмыхов. – Даже чуть поболее.

– Вот и отлично! Самое то, – одобрил Орешин. – Но главное, что ты – человек ответственный, умеешь держать язык за зубами. Ну и вообще... Входишь в наш пул. Красный пул – так я это называю.

– Красный пул?

– Ну да, – хохотнул Орешин. – Ты ж знаешь, как эки говорят – «красная зона»... Так и у нас – красный пул. Кто в него входит, тот от работы не отлынивает, сотрудничает с администрацией, ну, активная жизненная позиция, само собой, и тому подобное... Что ни в коем случае не исключает материальные блага, – назидательно закончил он.

– И все-таки я не совсем понимаю, – хмурясь, сказал Жмыхов.

– Да все ты понимаешь! – неожиданно сердито выкрикнул Орешин, сверля собеседника взглядом. – Чего тут понимать? Мне нужна твоя помощь. Мне твоя, тебе – моя. Мы – одна команда.

– Согласен, – кивнул Жмыхов. В его планы никак не входила ссора с Орешиним. – Я всегда готов помочь, Дмитрий Николаевич, но хотелось бы поконкретнее...

– Будет тебе и поконкретнее, – пообещал Орешин. – Исчерпывающая будет тебе информация. Только и ты головой немного работай, если хочешь в сути разобраться. А суть такова, что после смерти нашего дорогого Вячеслава Сергеевича Томилина осталось более чем приличное наследство.

– Да уж, наверное, осталось, – сказал Жмыхов.

– Не наверное, а точно! – отрезал Орешин. – Сеть продовольственных магазинов, два дома, три автомобиля, ценные бумаги, счета в банках. Вот так вот! Томилин хватал добычу как бульдог, как акула! Зато и куш оставил завидный!

– Да, повезло наследникам, – неопределенно протянул Жмыхов, который все еще ничего не понимал.

– А вот наследников-то как раз и нема! – вдруг объявил Орешин. – Один Томилин как перст. Никого у него здесь нет. Ни-ко-го! Бабенка у него коммерческим директором на предприятии числилась – вот она ему самый близкий человек в последние годы была. Любовница, правая рука – как хочешь назови... Адвокат его личный, юрист, доверенное лицо – тоже с носом остался. Грех так говорить, но в последние годы Томилин невыносимым стал, возомнил о себе, переругался со всеми, так держался, будто секрет бессмертия знал. А какой там секрет – с собой на тот свет ничего не заберешь. Эх!

Жмыхов с сомнением посмотрел на отвернувшегося Орешина. Как-то не замечалось раньше за матерым чиновником особой сентиментальности. Нынешняя обида за оставшихся с носом любовницу Томилина и его юриста тоже не выглядела искренней. Однако судьба чужого наследства волновала Орешина не на шутку – и вот в этом сомнений не было ни малейших. Жмыхов постепенно начинал прозревать и настраиваться на нужную волну, чувствуя запах больших денег.

– Ну что же, раз наследников нет, значит, велика вероятность, что все отойдет государству, – намеренно отстраненно произнес он.

– Ты, майор, даже не представляешь, насколько она велика! – горячо подхватил Орешин. – Мы, конечно, любим свое государство, но не до такой же степени. Мы тут все работали бок о бок с Вячеславом Сергеевичем, помогали его становлению как бизнесмена, образно говоря, в этих материальных ценностях есть частица и нашего труда...

При этих словах он испытующе глянул на майора, но тот даже глазом не моргнул.

– Однако не очень представляю себе, какой тут может быть выход, – рассудительно заметил он. – Наследников нет, завещания, как я понял, тоже нет. Что же остается?

Жмыхов догадывался что, но предпочитал, чтобы ключевое слово произнес все-таки Орешин. Но Дмитрий Николаевич опять удивил его.

– Не совсем так, не совсем, – досадливо поморщившись, сказал заместитель мэра. – На самом деле есть и наследник и завещание. Юрист Томилина – Маевский все разнюхал. Ну еще бы, такой кусок из-под носа уведут – будешь носом шевелить, и не только носом...

– Вот как? – хмыкнул Жмыхов. – Значит, есть наследник?

– И это самая главная сейчас головная боль, майор! – скривился, точно от настоящей боли, Орешин. – Томилин и тут поступил по-своему, всем назло сделал, показал характер! Вредный все-таки был мужик, хоть и не следует так о покойнике, да чего уж там, правду не утаишь...

– Серьезный наследник? – деловито поинтересовался Жмыхов.

– Как бы не так! Бездельник, пьянь, подонок без чести и совести! – в крайнем раздражении проговорил Орешин. Его полное лицо налилось кровью. – Ты не здешний, не знал его. Владимир Анатольевич Томилин, племянник Томилина. Единственный и неповторимый. Больше родственников нет. Да и этот, похоже, отдал уже богу душу. Ни слуху ни духу. На зонах подолгу не живут. А тот у нас в Зеленодольске по молодости накуролесил дай бог. Золотая молодежь, как говорится! Рестораны, пьянки, драки, а дальше и кое-что посерьезнее. Связался с компанией, а дружки организовали нападение на обменный пункт валюты, убили охранника... Ну, Томилин тогда сумел его отмазать, прошел парень как свидетель. А чтобы страсти улеглись, спровадил племянничка в армию. Тот было на дыбы, но Томилин жестко повернул – или армия, или тюрьма. Ну, отбарабанил этот два года – в серьезных войсках, то ли десантником, то ли морпехом, лось-то здоровый. Потом приезжал в город, но как-то быстро уехал и уж больше не появлялся лет тринадцать-пятнадцать. Его уж все забыли, кому такой разгильдяй нужен. Подельники его практически все уже на том свете – я наводил справки. Ему, если жив, тридцать семь лет сейчас. А вот это его старые фотографии... Больше ничего найти не удалось, сам понимаешь...

Орешин достал из бумажника три фотографии с надорванными краями и передал Жмыхову. Тот мельком на них взглянул. Улыбающееся лицо вихрастого парня на любительском снимке ничего ему не говорило.

– Оставь, оставь себе! – предупредительно сказал Орешин, когда Жмыхов попытался вернуть фотографии. – Они тебе пригодятся.

Взгляды их встретились. В глазах Жмыхова стоял немой вопрос.

– Да. Найди нам Томилина! Хоть из-под земли, – жестко сказал Орешин. – Даже если схоронили уже. Но нам он живой нужен. Факт смерти не должен всплыть ни в коем случае! Или он, или кто-то за него, все ясно, надеюсь? А по большому счету, только второй вариант и нужен. Томилин – дерьмо. Непредсказуемый и неуправляемый человек. Заставить его делиться будет проблематично. Нам тут нужен человек покладистый! – с нажимом уточнил он. – Покладистый и внешне на Томилина похожий. Сумеешь найти такого?

– Подумать нужно, – уклончиво сказал Жмыхов.

– Думай – только быстрее, – отрезал Орешин. – Про тебя говорят, что ты человек способный. И еще у тебя одно преимущество – ты из другого города родом. И было бы очень кстати, если бы наш Томилин прибыл из другого города. Чтобы никто в нем случайно вдруг не признал Петю Иванова с нашей улицы Советской, понимаешь меня?

– А документы?

– Тебя учить, что ли? Документы сделаем по высшему разряду! На подлинных бланках. Ты человека найди. А вот настоящего Владимира Томилина, если он жив, из игры выводить надо. Чтобы он, не дай бог, не пронюхал, какая его тут малина ждет.

– Но... – с сомнением качнул головой Жмыхов.

– Никаких но! – повысил голос Орешин и нервно оглянулся на загорающего возле раскаленной машины шофера. – Я тебя не за так прошу. Все получают свое. Тебе обещаю пятнадцать процентов от общей суммы вкладов Томилина и повышение по службе. Главой УВД не обещаю, а вот должность первого зама – пробую. Будешь состоятельным человеком и с перспективой служебного роста. Только сделай все так, чтобы комар носа не подточил. У тебя получится.

– Может, и получится, – протянул Жмыхов, пристально наблюдая за Орешиним. – Но уж больно дело наклеивается неаппетитное, а пятнадцать процентов – это мне ни о чем не говорит. Я бухгалтерских книг у Томилина не вел.

– Будешь доволен! – резко сказал Орешин. – Ты что, мне не веришь, что ли? Ради пустяков я мараться не стал бы и в неаппетитное, как ты выражаешься, дело не влез бы! И заруби себе на носу – я тебе доверился, и у тебя теперь пути назад нет! Или вперед к богатству, или... А впрочем, что мы собачимся? – Заместитель мэра широким жестом приобнял Жмыхова и похлопал его потной ладонью по плечу. – Это все жара, мозги плавятся, черт! А у нас, я верю, все получится. Ты в нашем пуле, Андрей Васильевич! Мы одна команда. И приз нас ждет почище мирового кубка. Футбол любишь? Я раньше заядлым болельщиком был, ни одного матча не пропускал. А сейчас хоть разорвись – времени ни на что не хватает. Время сейчас бежит, как эти новые поезда – «Сапсан», что ли? Не успеешь оглянуться, а тебя уже к лицу Всевышнего представили, а? Вон тебе пример – Томилин. Тоже умирать не собирался небось. Да там не спрашивают, какие у кого планы. Человек предполагает, а Господь располагает, как говорится...

«Эка тебя на лирику потянуло! – с раздражением подумал Жмыхов, душа которого разрывалась между радужными надеждами и неприятными предчувствиями. – Ясно, можно комедию ломать, когда все самое грязное чужими руками делается, а тебе только сливки снять и остается. Тут хоть стихи пиши, романы!»

Между тем практический ум Жмыхова уже включился в поиски решения той необычной задачи, которую подбросил ему энергичный заместитель мэра. Расплывчатый образ молодого человека с фотографии проходил в мозгу Жмыхова сверку с сотнями, с тысячами виденных им лиц. Он механически, как вычислительная машина, перебирал их, надеясь вычленив схожие черты. Закавыка была в том, что нужно было подобрать не только подходящую внешность. Требовалась внутренняя сущность человека, сложное сочетание алчности и умеренности, нахальства и сдержанности. Одним словом, кандидат должен был сыграть роль наследника за умеренное вознаграждение, быть покладистым и при этом молчать как рыба. Из опыта Жмыхов знал, что подобный набор добродетелей и пороков крайне редок. Но все-таки заняться этим делом стоило – слишком уж аппетитный куш маячил впереди.

– Ну, в общих чертах я тебя просветил, – деловито, забывая про лирику, объявил Орешин. – И поскольку время, как было сказано, не ждет, сроку тебе на размышление минимум. Завтра жду тебя с конкретными предложениями. Только рисоваться у меня в кабинете не стоит. Встретимся в сквере около театра. Труп на гастролях, место не людное, там все и обсудим.

Они медленно, расслабленной походкой двинулись к автомобилю. Водитель, заметив их движение, нырнул в кабину, запустил мотор. Он привык на своей работе к чему угодно, но пребывание под горячим солнцем энтузиазма не вызывало.

В пяти шагах от автомобиля Орешин вдруг остановился и придержал Жмыхова за локоть.

– Ты только не думай, что у нас все уже в кармане, – проникновенно сказал он, глядя прямо в глаза майору. – Нотариус, которая завещанием занимается, упертая баба, с амбициями. Она ведь тоже сейчас розыски наследника ведет. С ней договориться вряд ли получится. Да ты, наверное, ее знаешь – Самойлова Марина Константиновна. Она одно время под руководством Маевского работала. Опыта набиралась, так сказать. Потом на вольные хлеба ушла. У нее еще муж следователем в прокуратуре какое-то время служил. Потом тоже все бросил. Где сейчас, не знаю. Может, это и неважно. Но ты все должен выяснить. Мы всех должны опередить.

– Должны – опередим, – буркнул Жмыхов.

Садясь в машину, он машинально окинул взглядом пейзаж. Горячий воздух струился над линией горизонта, вычерчивая в синеве какие-то странные зыбкие фигуры, золотистые ускользающие тени, скудные миражи российского лета.

«Но мы-то ведь не за миражами пустились, – подумал он со смутной тревогой. – Дело верное. Орешин за другое и не возьмется. Только сперва нужно прикинуть, как и что с наследством. Что это за пятнадцать процентов. За идею я ишачить не буду. При всем уважении. Стрелка компаса должна быть позолоченной. Такой у меня принцип, Дмитрий Николаевич!»

Орешин не мог прочесть мыслей полицейского, но почему-то именно в этот момент усмехнулся так, словно видел Жмыхова насквозь.

2

Володя Томилин проснулся от того, что кто-то настойчиво тряс его за плечи. Спросонья да из-за жары ему почудилось, будто начался пожар и нужно бежать через огонь, держа на руках потерявшую сознание красавицу. Томилин рывком уселся на кровати, продирая опухшие глаза.

– Кого, а? – невпопад спросил он, озираясь.

Прямо перед собой он увидел небритую физиономию одного из водителей киногруппы – Валентина Забавы. Это был странноватый флегматичный парень, который не имел, кажется, никаких амбиций в жизни, всему был рад и со всеми умел находить общий язык. Он и с Томилиным находился в ровных отношениях, хотя особой дружбы между ними не возникло.

– Просыпайся! – добродушно бросил Забава. – Кулешов тебя обыскался. Пора сцену снимать, сражение в горящей деревне, все готово, реквизит, пиротехники, а каскадеров нету! Обыскался! В твоей хибаре тебя нема, у осветителей тоже, Кулешов просто бесится. Ему главный пообещал голову оторвать...

– А я вчера перебрал, что ли? – хрипло спросил Володя. – С чего это я? Зарекался же! Вот черт! А здесь я почему?

Он постепенно в полной мере ощущал, что все тело у него буквально разламывается с чудовищного похмелья, и пребывает это тело совсем не на своем месте, а в чужой скрипучей кровати, в избе, где остановились на постой водители.

Забава беззвучно засмеялся.

– Ага, перебрал! – подтвердил он без осуждения. – Ты чего-то там после съемок с нашей звездой схлестнулся, со Звонаревым. Что уж там за кошка между вами пробежала, не знаю... Он психанул, ты психанул... И ты потом на другой конец села отправился за самогоном. А тут такой самогон... – он покачал головой. – Слыхал небось, что местные в него для крепости дурман добавляют. Полстакана – и становишься форменным дураком. Слона с копыт собьет!

Томилин скрипнул зубами. Теперь он ясно вспомнил все, что произошло накануне. Собственно, контроль над собой он потерял после местного самогона, как и говорил Забава. Они тут и в самом деле чего-то мешают в свое пойло, куркули деревенские. Так что после дозы могло случиться все, что угодно, вплоть до убийства. Тут уж деталей не вспомнить. Утешало то, что вряд ли его жертвой стал кто-нибудь из руководства – после съемок режиссер и прочие звезды уезжали за сорок километров в город. Белые люди, они жили там в приличной гостинице. Большая часть киногруппы обосновалась здесь, в полувымершей деревне среди хвойного леса. Деревянные ветхие избы идеально вписывались в замысел режиссера Прохорова. Фильм он снимал из времен гражданской войны – красные и белые, – но в согласии с современными тенденциями выказывал явную симпатию к белым. Были тут предусмотрены и сокровища в таежной чаще, и жадные глупые крестьяне, и беспощадные комиссары, и море крови, и необыкновенная любовь. Главный герой, благородный поручик в самый разгар сражений и поисков сокровищ зачем-то влюблялся в прекрасную крестьянку, братья которой числились в красных партизанах, и завоевывал ее сердце. В общем, обычная сентиментальная галиматья, по мнению Томилина. Что-то подобное уже было на экранах, и особого отзвука в людских сердцах не оставило. Единственное достоинство будущего фильма состояло в том, что Томилин получил в нем работу. В опасных сценах он подменял известного актера Звонарева, который играл главного героя, поручика Беликова. Так что, можно сказать, Томилин здесь был тоже звездой, только звездой без лица, имени и права на приличный гостиничный номер. Томилину было не привыкать к сложностям жизни. Она у него не складывалась с самого рождения, а в последнее время окончательно пошла вразнос. Затеял в Москве дело, но не рассчитал силы и влез в долги. Отдавать было нечем, кредиторы шутить не любили, и Томилину не оставалось ничего другого,

как податься в бега. Родной город он как вариант не рассматривал, понимал, что там его будут искать в первую очередь. Подался в Сибирь, куда, как ему подсказали, отправлялся с киноэкспедицией амбициозный режиссер Антон Прохоров. Ехал наобум, на последние копейки, но на месте ему все-таки улыбнулась удача.

Прохоров, как оказалось, о нем был наслышан. Он так и сказал при встрече:

– Слышал я про тебя, Томилин. Парень ты, говорят, ловкий, но говнюк тот еще. По хорошему я тебя должен послать сейчас подальше, но, к твоему счастью, я этого делать не стану...

Разговор у них происходил в маленьком зале провинциального ресторана, где Прохоров завтракал в компании своего помощника Ираклия Томидзе, продюсера Горянина и какой-то юной актриски с необыкновенно розовой и свежей кожей. Володе никто даже не предложил сесть. Он не обижался, он даже «говнюка» пропустил мимо ушей.

– Посылать я тебя не стану, – менторским тоном повторил Прохоров. – И более того, я дам тебе, Томилин, работу. Не из-за твоих уникальных душевных или профессиональных качеств, а просто потому что ты появился в нужном месте и в нужную минуту.

Внешне Прохоров был полнеющим малосимпатичным мужчиной лет сорока с неприятным немигающим взглядом. В его багаже было три фильма, два из которых даже удостоились каких-то призов, и он отличался уникальной способностью быстро находить деньги для своих шедевров. Он умел убеждать. Девушки мечтали о знакомстве с ним, тем более что месяц назад Прохоров в очередной раз развелся и был в свободном полете. Наверное, ему казалось, что такой человек, как он, нужен всем. В общем, за всех сказать сложно, но Володе он был точно послан судьбой.

– Причем я в курсе, что гильдия каскадеров послала тебя, Томилин, на хер! – без тени смущения продолжал свою речь Прохоров. – Я даже в курсе, почему они это сделали. И должен предупредить, что выдавать индульгенцию на будущие грехи не намерен. Не вздумай принять мою снисходительность за слабость, Томилин! Просто сейчас у меня проблема с каскадерами, и ждать мне некогда. Ты, надо признаться, удачно подсуетился. Будь у меня комплект, я бы однозначно послал тебя подальше. Но ты получил шанс устроиться дублером. За хорошую работу я хорошо плачу. Но если учую от тебя хотя бы запах пива, уважаемый, или услышу хотя бы намек на скандал на съемочной площадке или вне ее – ты вылетишь отсюда со скоростью звука! Я и не таких обламывал, учти это!

Во время этого разговора Володя удивлялся себе так сильно, что даже не разозлился. Прежде в подобном тоне он не позволял с собой разговаривать никому, и если уж не мог сразу дать в морду, то, по крайней мере, одергивал наглеца. Так он поступал даже со следователями и кредиторами, из-за чего, собственно, имел неприятности в жизни, но оно того стоило. Томилин предпочел бы отказаться от любого комфорта, лишь бы не потерять уважения к самому себе.

Так было до встречи с Прохоровым, и тут Володя впервые отступил от своих правил. «Дошел до края, видно, – с удивлением размышлял он, разглядывая наглую физиономию режиссера. – Или старею на самом деле. Мне даже в морду ему дать не очень хочется. Ишь, вылупил-то глазенки! Но насчет выпивки он прав. Что-то часто я стал закладывать. Из-за того и в гильдии не срослось...»

Мысленно Володя тут же дал себе зарок на время съемок не прикасаться к спиртному, отдохнуть. Да и работа вырисовывалась напряженная – взрывы, огонь, джигитовка, падения с высоты, – нужно было держать форму, тем более практики у Томилина давненько уже не было.

Все шло как будто нормально, но при этом напряжение вокруг него исподволь нарастало. Что это было – неспособность сходить с людьми, притираться к ним, или причина была в той атмосфере нетерпимости, которую создал Прохоров, превративший заброшенную деревеньку и населивший ее кинонарод в собственную маленькую империю? Никогда не служивший в армии, не отличавшийся ни физической формой, ни какой-то особенной харизматичностью,

он настаивал на соблюдении в группе дисциплины почти военной, обосновывая это тем, что фильм они снимают о войне и вести себя должны как на войне. У Томилина было свое представление о том, как ведут себя люди на войне, но ему приходилось помалкивать, потому что у Прохорова он числился первым кандидатом на вылет. И это несмотря на то, что из Звонарева трюкач был никакой. Он с большим трудом выучился садиться на лошадь, но это было все, его потолок. Да и берег он себя как девушка. Резон в этом, конечно, имелся. Его смазливую рожу частенько печатали на обложках журналов. И это при том, что с Томилиным они были одинакового роста и примерно одной комплекции. Рыхловат был кумир девушек, красавец Звонарев. Но кого это волновало? Даже Ирина Кашина, холодноватая красавица блондинка, восходящая звезда, которая играла главную женскую роль в фильме, с удовольствием флиртowała с этим недоноском, а Томилина просто не замечала, несмотря на то, что тот являлся как бы тенью Звонарева. Не сказать, чтобы это слишком уж его волновало, но вот женская красота никогда не оставляла его равнодушным, и он старался не пропускать ни одной юбки. Так что у Володи появилось вдобавок желание проучить эту выскочку – отсюда и произошли все последующие события.

По сценарию вчера ему надлежало вынести из горящего амбара находящуюся без чувств героиню – просто пробежать сквозь огонь и далее через заросли кустарника спуститься к реке. При этом камера ни на секунду не фиксировала его лица – только мужественную широкую спину, и у зрителя должно было создаться впечатление, что спас прекрасную крестьянку не кто иной, как поручик Беликов, он же актер Звонарев.

Актер в мундире поручика вбежал в полыхающий огнем сарай, кашляя и задыхаясь, выбрался с противоположной стороны и плюхнулся на траву, а из ворот амбара с девушкой на руках выскочил Томилин и, увертываясь, как было оговорено, от камеры, побежал через кусты к реке. Оператор с помощниками и с техникой рванули за ним следом. И так до кромки воды, где Владимир аккуратно положил героиню на чистый песочек.

– Снято! – заорал режиссер и принялся бешено вращать головой. – Где Звонарев? Снимаем дальше! У меня солнце уходит!

Теперь ему было нужно, чтобы Звонарев, всю торгуя мордой, быстренько объяснился с девушкой у реки. Романтическая, так сказать, сцена. Томилин здесь больше не был нужен.

Но к этому моменту он уже сполна успел ощутить вес молодого тела актрисы (она оказалась довольно упитанной, хотя со стороны выглядела хрупкой), рассмотреть высокую, цвета топленого молока грудь, выглядывающую из ворота дурацкого крестьянского платья, больше смахивающего на наряд опереточной пастушки, успел оценить припухлые капризные губы, тронутые вишневой помадой, с любовью подкрученные ресницы – совершенно по-крестьянски, конечно, – и понял, что его тянет к этой девчонке. Тянет, несмотря ни на что. Потом, после съемок, Владимир попытался заговорить с ней, чтобы как-то навести мосты, преодолеть пустоту, которая разделяла их, предложил даже небольшую прогулку.

– Хочешь, отвезу тебя после съемок в одно место? – спросил он небрежно. – Тут недалеко, километра два, не больше. Там река и тайга во всей красе. Ты такого еще не видела. Я возьму джип у осветителей. Помяни мое слово – не пожалеешь!

Разговаривать с женщинами он никогда не стеснялся и в слова свои всегда вкладывал тайный смысл, который, однако, женским полом угадывался безошибочно и чаще всего с успехом для Томилина. Не все, конечно, поддавались его чарам, но нравился он многим. Нравилась его уверенность, его сила, ритмичная плавность в движениях, бесшабашность, да и вообще внешность, несмотря на шрам на нижней губе, придававший его улыбке несколько зловещий вид.

Однако Кашина сделала вид, что ничего этого не замечает. Володя вообще, похоже, для нее не существовал. Сделав над собой усилие, она все-таки остановила на нем холодный взгляд и надменно сообщила, что красоты природы ее не интересуют.

– Особенно в компании такого гида, – добавила она, уничтожающе взглянув на Володю. – Надеюсь, я все внятно объяснила?

Девочка только начинала свое звездное восхождение. Бедная провинция, откуда она вырвалась в столицу, еще была слишком жива в ее памяти, и она старательно дистанцировалась от всего, что, по ее мнению, могло утянуть назад в трясину.

Послав таким образом Томилина, она подчеркнуто держалась потом возле Звонарева, который совсем вошел в роль романтического «поручика», лихо заламывал фуражку с кокардой, шикарно похлопывал по ладони тонкими перчатками и посматривал вокруг со снисходительным прищуром. Эта игра особенно взбесила Томилина.

Он понимал, что делает глупость, но удержаться уже не мог, слишком велика была досада. При всех он отпустил какую-то колкость в отношении Звонарева, что-то скептическое насчет его мужских качеств. Мол, если мужик не в состоянии залезть на лошадь, то ему и на бабу не влезть. Глупость, в общем. Но Звонарев взбеленился, полез на рожон, их растащили, а то быть бы беде. Слава богу, Прохоров всего этого не видел, а вскоре часть группы укатила в город, и Томилин, испытывая неутолимое желание вознаградить себя за унижения, отправился на другой конец деревни и там воспоминания его прервались. Такого с ним не было давненько.

– Черт! – сочувственно сказал ему Забава. – Тебе лучше бы выйти. Кулешов уже из штанов выпрыгивает.

Томилин послушно слез с чужой кровати, одернул на себе белогвардейский мундир, который не снимал со вчерашнего дня, натянул на голову валявшуюся на полу фуражку с кокардой и тяжело шагнул к двери.

– Ни пуха! – сказал ему в спину Забава.

Томилин вышел на улицу. Солнце уже стояло высоко в небе. От близкого сосняка тянуло горячим смолистым запахом. На краю деревни дежурила пожарная машина, находившаяся тут с тех пор, как начали снимать батальные сцены. Возле домов, которые должны были стать местом боя, возились рабочие, что-то прилаживая и пряча в буйно росшей траве провода. Тут же суетились осветители, на них покрикивал главный оператор. Прохоров еще находился в вагончике, служившем чем-то вроде боевого штаба. Наверное, объяснял звездам боевую задачу. Или выслушивал сплетни. Интересно, про Томилина ему уже доложили?

На него внезапно откуда ни возьмись налетел Кулешов, встрепанный, потный, в расстегнутой чуть не до пупа рубашке.

– Черт! Где тебя носит? – с досадой выкрикнул он, хватая Томилина за рукав гимнастерки. – Я все уже облазил – никто тебя не видел. Тебя Прохоров к себе требует. Ты хоть понимаешь, чем рискуешь? Что у тебя с мордой? Нет, ты посмотри! Вся набок, щетина кругом. А мундир? Как будто в погребе с картошкой валялся! Ты что, Томилин, совсем офонарел?

– А что? – хмуро сказал Володя. – Моя морда – дело десятое. Она в кадр по-любому не попадает. А что мундир грязный, так война идет. Гражданская, беспощадная.

– Поговори еще! – выдохнул Кулешов. – Умник! Вот дадут тебе пинка под зад – куда пойдешь? Кому ты нужен с мордой набок?

Вряд ли его так уж заботила судьба Томилина, скорее он боялся, что с него спросят за некомплект каскадеров. Но Томилин был благодарен и за такое сочувствие. К тому же ему надоело пререкаться. После деревенского самогона он чувствовал смертельную усталость.

– Родина большая, – отозвался он. – Где Прохоров?

– У себя в вагончике. Но злой, как собака, учти.

– В тот день, когда он будет добрым, я устрою прием с шампанским и экзотическими фруктами, – пообещал Володя. – Тебя тоже приглашу.

– Шуточки, – буркнул Кулешов. – На твоём месте я бы лучше не шутил, а придумал какую-нибудь отмазку пожалобнее. Хотя вряд ли толк будет. Ну, все равно скажи, что у тебя, например, умер кто-нибудь. Мол, с горя принял... Может, проканает...

– Я круглый сирота, – отрезал Томилин и пошел в сторону вагончика. – Правда, есть дядя, брат отца покойного, но этот хлюст не умрет. Он нас с тобой переживет. Кремень-мужик. Мне его как-то не с руки хоронить, даже в шутку.

– Ну, смотри. – Кулешов поспешал за ним, спотыкаясь и нервно озираясь по сторонам. – Тогда, скорее всего, Прохоров нас с тобой похоронит.

Они не успели дойти до вагончика, как режиссер сам вышел к ним навстречу. Он остановился сразу у порога и наблюдал за приближением Томилина с самым зловещим выражением лица, которое только мог состроить. Со всех сторон его окружали преданные соратники. Те, впрочем, смотрели на Томилина равнодушно, да и из-за чего было переживать по большому счету? Это Прохоров воспринимал все эмоционально, как и положено крупному художнику. Ну и еще один злорадствовал – Звонарев. Или Володе так казалось – он тоже был в плену эмоций. Его бесило в Звонареве все, даже чистенький наглаженный мундир. «Как будто только что от портного вышел, – с презрением подумал он. – И от парикмахера заодно».

– Ну что, Томилин! – уже издали закричал, не выдержав, Прохоров. – Ты все-таки решил покончить жизнь суицидом? А я тебя предупреждал!

– Скажи, что родственник умер! – с отчаянием шепнул Кулешов.

Томилин подошел совсем близко. Похмелье кровью билось в висках, но он собрал в кулак все силы и смог посмотреть Прохорову прямо в глаза.

– Чего пялишься? – казалось, режиссер сейчас вцепится ему в горло. – Ты бы лучше на себя посмотрел – в зеркало. Свинья свиньей! Убил бы тебя, подонок! – он взмахнул рукой, словно намереваясь ударить, и вдруг неожиданно закончил: – Скажи спасибо, что время поджимает. Некогда мне тебя воспитывать. Но я все запомнил. При расчете я тебе штрафные санкции...

Он сплюнул под ноги и двинулся прочь, бросив на ходу:

– А теперь приведи себя в порядок и чтобы через пять минут был на площадке. Если не сделаешь трюк как полагается, пеняй на себя!

– Как скажешь, начальник! – негромко сказал каскадер.

Ощущение было такое, словно с плеч упал тяжелый груз. Но в этот момент чертов «поручик» бросил через плечо что-то насчет «уродов, с которыми приходится работать». Это было последней каплей, переполнившей чашу терпения. Томилин не умел долго ненавидеть втихую. Он догнал Звонарева и, развернув его, врезал в левую скулу. С похмелья удар не получился, и актер, придя в себя, кинулся в драку. Но Володя тоже уже оправился и вторым ударом в челюсть уложил недруга в пыль.

После короткого замешательства начался ад. Все бросились к поверженной звезде, а Прохоров уже вопил так, что эхо перекатывалось по лесам:

– Ты что сделал, сволочь?! У меня на сегодня постельная сцена запланирована, а герой с фонарем под глазом! Ты – труп, учти это! Я порву тебя, сука!

Он подпрыгивал, размахивал кулаками, багровел на глазах, рубашка лопалась по швам на его жирном теле, но при этом Прохоров будто случайно сохранял дистанцию между собой и опальным каскадером. Похоже, исполнить свои угрозы он всерьез не собирался. По крайней мере, в ближайшее время.

Томилин мрачно смотрел, как беснуется режиссер, а потом повернулся и зашагал по заросшей бурьяном улице.

– Убирайся! – кричал ему в спину Прохоров. – Чтобы духу твоего тут не было! Иначе я за себя не отвечаю! И больше не приближайся к съемочной площадке, сволочь! Считаю, что тебе выписан волчий билет!

Крики постепенно затихали вдали. Володя испытал облегчение, когда вся суматоха осталась за спиной. Он осознавал, что вел себя глупо, наломал дров, остался безо всяких перспектив, да еще и мучался с похмелья. Он забрал в избе свои вещи и пошел на другой конец

деревни, но не затем, чтобы опохмелиться. У мужика, который накануне продал ему самогон, имелся мотоцикл с коляской, и Томилин надеялся, что он подкинет его до города.

Хитрый самогонщик принял его как родного, но везти поначалу не соглашался, ссылаясь на неотложные крестьянские дела. И только вытянув из Томилина двести рублей, пошел выгонять мотоцикл.

Притулившись на заднем сиденье, Володя покидал деревню с ласковым именем Веснянка, где так неудачно закончилась его кинематографическая карьера. В голове не было никаких мыслей. Он мечтал только об одном: добраться куда-нибудь, где можно будет сбросить грязный опереточный мундир и хорошенько вымыться.

На въезде мотоцикл едва не столкнулся с массивным черным внедорожником, который, поднимая тучи пыли, мчался как на пожар. Мотоцикл вильнул, с Томилина слетела фуражка. Мужик, с трудом выруливая, обложил матом водителя, оставшегося невидимым за тонированными стеклами, и на всякий случай прибавил газу. Володя обернулся, но номер автомобиля не рассмотрел.

Это мог быть кто угодно – спонсор, киношник, просто удачливый бизнесмен, решивший навестить в деревне родителей, но почему-то в этот самый момент у Томилина возник неприятный холодок в груди.

3

Дроздов перешагнул порог кабинета и остановился, оценивая оглядывая убранство. Увиденное ему понравилось. Ничего лишнего, стильная, но строгая мебель, огромное светлое окно, выходящее в тихий парк, современная техника, в том числе кондиционер, создающий в комнате приятную прохладу. Рабочее место его бывшей супруги оставляло приятное впечатление. Дроздов помнил, как она начинала самостоятельную практику. Тогда все было иначе. Непрестижный район, тесная, темная комната. Треснувший корпус монитора. Колченогие стулья. С тех пор Марина Константиновна Самойлова, частный нотариус, сделала заметный шаг к успеху. Дроздов знал, что дела у нее идут в гору, клиентура растет, появилась новая машина, и вообще все, выражаясь современным языком, в шоколаде. Зачем вдруг при таких обстоятельствах ей понадобился бывший муж, Дроздов не знал. Но Марина сама позвонила ему накануне вечером и попросила зайти к ней в офис. Причин не объяснила, сославшись на занятость. В какой-то момент Дроздов вообразил, что в их отношениях возможен новый поворот, но тут же обругал себя за наивность. Голос бывшей жены звучал в трубке любезно и деловито, но не более того. Разбитую любовь не склеишь. Разошлись они по ее инициативе. Пожалуй, она никогда не любила Дроздова по-настоящему. Просто в молодости все кажутся красивыми, энергичными, полными радужных надежд. Эта иллюзия быстро рассеивается, и время отделяет агнцев от козлиц. Марина быстро сообразила, что муж ее не обременен какими-то особенными амбициями и не собирается увлечь ее в какие-то сверкающие высоты. Ему было достаточно того, что давала ему жизнь, а, по ее мнению, это было непростительно мало. Нет, если она хотела его видеть, то причины могли быть сугубо деловые.

И все-таки, направляясь сюда, Дроздов постарался не ударить лицом в грязь. Он надел лучший костюм, повязал лучший галстук, начистил до блеска туфли, и вообще обратился таким франтом, что не одна женщина по дороге бросала в его сторону взгляд. Правда, уже по прибытии на место выяснилось, что с рубашки неизвестно куда исчезла одна пуговка, но этот изъян прекрасно камуфлировался галстуком, и вообще одна потерянная пуговица – это не такая большая потеря при холостяцкой жизни.

Марина вошла внезапно, просматривая на ходу какую-то бумагу, на ходу ободряюще придерживала Дроздова за локоть, улыбнулась ему и сразу шагнула к столу. В воздухе возник едва уловимый аромат дорогих духов.

– Привет! – сказала она. – Извини, мне пришлось выйти. Но я сразу вернулась, как только сообщили, что ты здесь. Видишь, какая я обязательная? Присаживайся!

Она сама уселась на крутящееся кресло, пробежала глазами остаток текста и отодвинула бумагу на край стола.

– А ты прекрасно выглядишь! – заметила она, поднимая голову. – Не женился?

– Знаешь ведь, что нет, – усмехнулся Дроздов. – Жду тебя. Когда надумаешь вернуться, я буду свободен...

– Об этом не может быть и речи! – отрезала Марина.

Она даже не пыталась обратить все в шутку. Деловая до мозга костей женщина.

«Ясно ведь видно, что не быть нам вместе, – подумал про себя Дроздов. – Ежу, как говорится, понятно. Чего же я дергаюсь – вот вопрос».

– А ты вообще шикарно выглядишь, – произнес он вслух. – Бриллиант в дорогой оправе, я бы сказал. И офис у тебя что надо.

– Это все Эдуард, – объяснила Марина. – Он помог с помещением и мебелью. Офисная мебель – его профиль. Он собирается открыть в нашем городе филиал. А еще мы собираемся пожениться. Как только все наладится. Я имею в виду его бизнес. Приглашаю тебя на свадьбу.

– Извини, но я уже был на одной твоей свадьбе, – криво улыбнулся Дроздов. – Еще одна, это будет слишком... Но я тебя поздравляю, хотя, признаться, для меня это сюрприз...

– Он гораздо старше, – пояснила Марина. – Но он очень хороший человек. Ты его оценишь, когда узнаешь.

– Непременно, – пообещал Дроздов. – Однако давай лучше о деле, а то что-то грустный у нас получается разговор.

– Давай о деле, – кивнула Марина. – Честно говоря, дело отчасти неблагодарное, и я не уверена, что ты согласишься им заняться. Но учитывая, что ты все-таки по профессии сыщик...

– Ну теперь-то какой я сыщик! – махнул рукой Дроздов и присел на край мягкого кожаного диванчика. – Теперь я в основном блюду в городе нравственность. Под вывеской «Бобров и Дроздов. Сыскное агентство». Супружеская неверность, шпионы-инсайдеры и прочий компромат. Санитары леса, так сказать.

– И тебе не противно, санитар леса? – с интересом спросила Марина. – Насколько я помню, ты всегда был так щепетилен... Даже из следственного комитета ушел, не мог мириться с изнанкой профессии.

– Теперь я стал гораздо терпимее, – усмехнулся Дроздов. – Помудрел, наверное.

– Это вселяет надежду, – кивнула Марина. – Так вот, о деле... Ты, конечно, слышал, что Томилин умер...

– Твой благодетель? Ну что же, мир его праху... Противный был человечек!

– Скорее своеобразный, – поправила Марина. – И далеко не человечек. Человек он был сильный, не чета многим. Хотя не без странностей. Но его странности дополняли его силу. Да и твоя ирония здесь неуместна. Он действительно для меня многое сделал.

– Да, тебе всегда подворачиваются благородные старики, готовые оплатить современную мебель, – сказал Дроздов.

– Это мелко, – поморщилась Марина. – Вот ты, например, не старик, но тоже готов оказать мне помощь. Или уже раздумал?

– Нет-нет, ни в коем разе, – поспешно возразил Дроздов. – Так что же Томилин?

– После него осталось большое наследство. Незадолго до смерти он оформил завещание. Все достается племяннику – единственному родственнику Томилина. Ну и еще кое-что в виде своеобразного гонорара гражданке Самойловой, мне то есть. Но это так, семечки, а основной капитал, недвижимость, и вообще все, включая любимую канарейку, гражданину Томилину Владимиру Анатольевичу. Вот такие дела. Ну, там есть некоторые разъяснения по временному управлению предприятием до вступления племянника в права наследства, по недвижимости, то есть люди, которые до сих пор присматривали за домом, прислуга, садовник и прочее – они так же получают зарплату и выполняют свои функции, но это частности. Когда объявится племянник, он будет волен распорядиться всем по своему усмотрению. И это главная неожиданность, честно говоря, потому что, по всем данным, этот племянник еще та штучка. Мне кажется, что Вячеслав Сергеевич выбрал его в наследники по одной причине – хотел досадить людям, которые его окружали. Он никому из них не доверял, считал, что их интересуют только его деньги...

– Не думаю, чтобы он сильно ошибался, – пробормотал Дроздов. – Согласись, положительных качеств у него не было. Он не казался привлекательным человеком.

– Твой цинизм никого не интересует, – нахмурилась Марина. – Факт тот, что Томилин был прав. А люди, которые претендовали на наследство – его любовница, его юрист, уже занервничали. Маевский уже прибежал сюда...

– А-а, это тот самый, под крылом которого ты начинала свою карьеру! – воскликнул Дроздов. – И что же? Он просил тебя подделать завещание? Это хорошая тема. Ты хочешь спро-

воцировать его на откровенный разговор и сделать запись? Отлично! Такая запись не очень поможет в суде, но, по крайней мере, охладит пыл...

– Нет, ты не понял, – перебила его бывшая жена. – Разумеется, он ни о чем подобном меня не просил. Я сообщила это тебе как факт, который настораживает. Я точно знаю, что Маевский всегда был перевертышем. У него есть покровители в городской администрации, и он наверняка сливал им информацию о Томилине. Тот последние месяцы был очень с ним осторожен. Но не выгонял, считая, что дешевле будет иметь Маевского под присмотром. Возможно, он сам затевал какую-то игру, но...

– Хорошо, если тебе не нужен компромат на Маевского, тогда зачем тебе я?

– Ты должен помочь найти Томилину, – решительно заявила Марина. – И сделать это как можно скорее. У меня все-таки есть профессиональная гордость.

– Да уж, этого у тебя не отнять. Но при чем тут она? Что-то я не очень...

– Маевский меня не смущает. Этот хоть свой сукин сын. Меня другое волнует. Если хочешь, напрягает даже. Моя задача – помочь Томилину вступить в права наследства. А там пусть он хоть все это пустит на ветер. Хотя жалко, конечно. Но я должна выполнить волю покойного, тем более я ему многим обязана. Я все сделала. Сразу оповестила о розыске наследников в средствах массовой информации. Только результат получился не тот, на который я надеялась. Владимир пока не откликнулся. При его образе жизни это неудивительно. Кто знает, в каких трущобах он сейчас развлекается. Зато появился какой-то молодой человек в темных очках на черной дорогой машине и довольно нагло выспрашивал у меня, что мне известно про Томилину, как велико его наследство и каковы мои планы. Попутно он интересовался моим семейным положением, спрашивал, имею ли я детей и насколько крепкое у меня здоровье...

– А вот это уже скверно, – заметил Дроздов, делаясь абсолютно серьезным и наклоняясь вперед, словно ищетка, взявшая след. – Что ты ему сказала?

– Я сказала, что полиция у нас в городе работает исключительно хорошо, а за угрозы нотариусу можно запросто оказаться за решеткой, в общем, наврала с три короба. По-моему, он мне не поверил.

– Неудивительно. Он завалился прямо сюда? А как ты разглядела, какая у него машина?

– Я не только разглядела, когда он отъезжал, я сфотографировала номер. Мужчина был настолько самоуверен, что припарковался прямо под окнами. Вот. Номер московский. И мне все это очень не нравится. Нужно разыскать Томилину как можно скорее. Возьмешься за это?

Дроздов почесал затылок и беспомощно посмотрел на бывшую жену.

– Да-а, умеешь ты озадачить человека! – сказал он, вертя в руках фотографический снимок, который передала ему Марина. – Предложение очень неожиданное, прямо тебе скажу! А уж сколько в нем всяких «но»... Поэтому у меня встречное предложение – я организую тебе что-то вроде охраны... Ну, присмотрю, чтобы тебе не сильно докучали вот эти, с московскими номерами... А искать Томилину – дело, насколько я понимаю, бесперспективное и даже неблагоприятное. Судя по всему, этот тип связался с нехорошей компанией. Мой совет – плюнь на него. Ты свое дело сделала. Захочет, объявится.

Взгляд Марины был холоден.

– Речь идет не о какой-то формальности! – отчеканила она. – Я обещала, что слово в слово исполню завещание, и мне не нравится возня, которая вдруг возникла вокруг этого наследства. Да, в конце концов, я тоже материально заинтересована. Таковы условия завещания. Тебе я, кстати, возмещу все расходы и заплачу гонорар. Сколько ты получаешь в фирме «Бобров и Дроздов»?

– Это коммерческая тайна, – ухмыльнулся Дроздов, пытаясь скрыть за шуткой смущение. – Мне серьезно не нравится то, что ты задумала. Хотя, наверное, по-своему ты права.

– Не вилай, Дроздов! – сказала Марина. – Ты выручишь меня? Знаешь ведь, что мне больше некому довериться.

– А как же твой Эдуард?

– Не начинай! Ты прекрасно знаешь, о чем я!

– Знаю, чего уж там! – вздохнул Дроздов. – Ну что же, ты не оставляешь мне выбора. Я согласен. Но учти, мне придется долго ползать на коленях перед Бобровым.

– Только не говори, что вы завалены заказами! – засмеялась Марина. – Я навела справки...

– Наша работа не бросается в глаза, – в некотором смущении отозвался сыщик. – Но уверяю тебя, мы движемся вперед, расширяем, так сказать, рынки.

– А мне кажется, вы дрейфуете в неизвестном направлении. В любом случае участие в моем проекте пойдет вам на пользу, тебе не кажется? О вас заговорят.

– Уверяю тебя, мы совсем не нуждаемся в рекламе, – запротестовал Дроздов. – Просто наш профиль... Ну, ладно, какие у тебя имеются материалы по Томилину? Хотелось бы с ними ознакомиться.

– Да практически никаких, – развела руками Марина. – В том-то и проблема. Покойный Томилин при жизни горячих чувств к племяннику не испытывал, плюшевых мишек его и фотографий с прыщами не хранил. В один прекрасный момент он вытащил его практически из тюрьмы и сплавил в армию. С тех пор Томилин в нашем городе, можно сказать, не появлялся. Прошло тринадцать или даже пятнадцать лет, представляешь? Мать его умерла. Ее домашний архив пропал. Все связи порваны. Хуже всего, что на оповещение о наследстве откликнулся не он, а совершенно посторонние люди.

– Ну, это они тебе посторонние, – заметил Дроздов. – Вряд ли они посторонние Томилину. Только, похоже, он не пользуется в своей компании авторитетом. Но неужели здесь никто о нем ничего не знает? Это плохо. Тогда поиски могут затянуться на годы. Представь себе, что Томилин подался на заработки в Аргентину, например... Как ни крути, а остается один вариант, хотя именно он мне не очень нравится. Вернее, совсем не нравится. Придется добывать информацию из грязных рук.

Он еще раз посмотрел на фотографию, которую вручила ему Марина.

– Что ж, если гора не идет к Магомеду... Попробую разобраться с этой машиной. «Ауди». Мне всегда нравился «Ауди». Есть у меня знакомый в дорожной инспекции. Между прочим, мы вместе в юридическом учились. Давно не виделись, но неплохой, по сути, был парень. Сейчас, правда, люди портятся быстро, но, надеюсь, такую мелочь, как номер, он мне пробьет через республиканскую базу. Нельзя же гоняться за призраками. Это вредно отражается на психике.

По лицу Марины было видно, что она удовлетворена разговором. Встав с кресла, женщина легко шагнула к сейфу, вмурованному в стену, отперла его и достала оттуда конверт. Дроздов невольно залюбовался ее фигурой и ухоженными волосами, тяжелой волной спадающими на плечи. Он догадался, что сегодня она сменила обычную деловую прическу на вечернюю ради него – Дроздов любил, когда у женщины длинные волосы.

«Она чертовски прагматична, – подумал он с грустью. – Каждый ее шаг выверен. Если бы вдруг она вернулась, я был бы вынужден жить с роботом, с красивым, на совесть сделанным роботом... Но это меня почему-то не утешает».

– Это тебе на ближайшие расходы, – сказала Марина, протягивая конверт. – Если будут возникать проблемы – обращай незамедлительно. И вообще старайся держать меня в курсе событий. У тебя ведь есть мой номер телефона?

– Естественно, он у меня есть, – сказал Дроздов. – Если ты вдруг его не сменила.

– Нет, не сменила. Зачем? Я тоже буду держать тебя в курсе дел, – пообещала Марина. – Как только появится какая-нибудь новость, ты узнаешь о ней первым. Только... Я очень тебя прошу по возможности не распространяться о нашем соглашении. Я ведь уже говорила, что почти никому не доверяю в этом городе? Томилин тоже был такой. Он говорил, что здесь настоящее гнездо мошенников.

– Ну да, конечно, – пробормотал Дроздов, ощупывая в кармане хрустящий конверт. – Сам-то он был агнец...

– Нет, ангелом его назвать, конечно, трудно, – ответила Марина и убежденно добавила: – Но по-своему он был порядочным человеком.

– По-своему мы все порядочные люди, – сказал Дроздов. – А все вместе – мошенники. Ну, я пошел?

– Удачи тебе! – улыбнулась Марина. – И не забывай держать меня в курсе дел.

Дроздов обещал держать, однако новости появились у него так быстро, что он мигом позабыл про обещание. Уже через полчаса на одной из центральных улиц недалеко от многоэтажного дома, где они с Бобровым арендовали помещение под контору, Дроздов неожиданно наткнулся на черный «Ауди» с московским номером, и номер был тот самый, с фотографии! «На ловца и зверь бежит!» – подумал с замиранием сердца сыщик.

Он принялся лихорадочно соображать, как устроить, чтобы так удачно подвернувшийся «зверь» не ускользнул из-под носа. Но пока он вертел головой в поисках такси или подходящего «бомбилы», из ближайшего магазина вразвалочку вышел высокий широкоплечий молодец в черных очках и, подбрасывая на ладони нераспечатанную, видно, только что купленную пачку сигарет, направился в сторону «Ауди». Как назло, никакого транспорта поблизости не было, и Дроздов едва не застонал от досады. Своих колес у него не было – машину он в порыве благородства уступил при разводе жене, и вот теперь этот поступок аукнулся весьма странным образом и на жене тоже. Молодец в очках явно намеревался уехать, и не вприпрыжку же было за ним пускаться!

К счастью, в кармане верзилы запел мобильник. Приостановившись, он неторопливо полез в карман и поднес трубку к уху.

– Слушаю! Ага, понял. Ага. На Урале, значит? Ну, нормально. А то я тут все облазил – никаких следов. Этого кекса никто, похоже, не помнит. Я сначала думал, он, как наскипидаренный, за наследством рванет... Но он одно из двух, или ничего не знает пока, или... Чего? Прямо сейчас на Урал? А больше некому, что ли? Макар каторжный, что ли? Макар туда, Макар сюда, а другие будут груши околачивать...

На лице с грубоватыми чертами появилось выражение обиды. Подавить ее стоило верзиле немалого труда, но он все-таки справился и уже совсем покорно пробурчал в трубку:

– Ладно, не теряю ни минуты... Как скажете. Подъемных-то хоть подкинете? Ага, на карточку, понял... А дальше-то, когда я его найду – чего делать?

Похоже, собеседник верзилы вышел из себя – его голос в трубке зазвенел так, что вибрация донеслась даже до ушей Дроздова, хотя он стоял довольно далеко. Слов он, конечно, разобрать не мог, но и без этого было ясно, что судьба посылает ему невероятный шанс кое-что узнать о порученном Мариной деле. Безо всякого сомнения, речь шла все о том же Владимире Томилине, которого слишком многие хотели видеть.

Даже местопребывание этого человека обозначилось сейчас в чужом разговоре. Это был Урал. Координаты не бог весть какие – Урал большой, но это уже было кое-что. Главное было сейчас не упустить эту ниточку. Если Дроздов хотел угодить жене, а он это хотел, он должен был прицепиться к москвичу на манер рыбы-прилипалы и вместе с ним прибыть в ту точку, где беззаботный Томилин прохлаждался, ничего не ведая о своем счастье.

Однако как это сделать? Еще минута, и верзила уедет. Если Дроздов даст ему сейчас ускользнуть, то потом отыскать его будет непросто. А без него шансы найти на Урале Томилину равны нулю.

Человека в черных очках нужно было непременно задержать, но как это сделать, Дроздов пока не придумал. Неожиданно ему на помощь пришел сам верзила.

Сильно раздосадованный, он как раз спрятал в карман мобильник и с мрачным видом озирался по сторонам, собираясь с мыслями. Заметив пристальный взгляд Дроздова, он заметно возбудился и с вызовом рявкнул:

– Чего пялишься?

Ему явно требовалась разрядка, и он готов был потратить ради этого свои драгоценные минуты. Он нарывался на драку, и тут Дроздова осенило.

Он был килограммов на десять легче, но решил не обращать пока на это внимания. В конце концов, игра на своем поле должна давать преимущество.

– Что-то не так, уважаемый? – презрительным тоном осведомился он, быстро надвигаясь на своего потенциального противника и демонстративно играя мышцами.

Человек в очках слегка опешил. Про себя он сразу решил, что будет доминировать в этом конфликте, и неожиданная активность Дроздова здорово сбила его с толку. Может быть, он сообразил, что по-хорошему ему не следовало бы отвлекаться от насущных проблем. Но было уже поздно.

Танцующей походкой Дроздов подскочил к незнакомцу и с ходу врезал ему в челюсть. Очки слетели с толстого носа и, подпрыгивая на асфальте, откатились далеко в сторону. Дроздов увидел глаза противника – уже не столько изумленные, сколько горящие ненавистью, и слегка испугался. Но ему тоже было поздно что-то менять.

Дроздов успел заблокировать мощный ответный удар в скулу, но следующий, выверенный и точный, пришелся ему в печень. У Дроздова перехватило дыхание. Чувствуя, что дело плохо, он как клещ вцепился в рубашку своего врага, заплел ему ноги, и они оба грузно повалились на тротуар, оглашая окрестности злобным рычанием и хриплыми выкриками.

Дроздов не знал, сколько бы он продержался в этой схватке – противник оказался силен, – но тут случилось то, на что Дроздов от души надеялся. Рядом, визжа тормозами, остановилась машина, захлопали дверцы, и грубый голос произнес:

– Вы чего тут устроили? А ну, встать! Оглохли? Давыдов, пакуем обоих! В отделе воспитывать будем. У нас город образцовой культуры, а они вон чего вытворяют среди бела дня...

Уже совсем выбившись из сил, Дроздов дал растащить себя и разъяrivшегося тяжело-веса, а там и с удовлетворением проследил, как полицейские защелкнули на нем наручники. С Дроздовым проделали то же самое, но его это нисколько не расстроило.

– Я не тороплюсь. А в какой отдел поедет? – поинтересовался он у ментов.

– Там увидишь! – зловеще пообещали ему.

4

Жмыхов любил свой родной город. Пускай тот был не слишком велик и знаменит, но в нем прошла молодость Андрея, там у него случилась первая любовь, там он постигал азы оперативного мастерства, завел семью и схоронил родителей. Много друзей там осталось, из родственников кое-кто, не говоря уже о сослуживцах. Конечно, служба в Зеленодольске была более перспективна, да и привык к новому месту Жмыхов быстро, однако теплое чувство к родному Перекопску, воспоминания о лучших годах грели его сердце. На родину Андрей не выбирался уже года четыре, соскучился, конечно, но ехал теперь туда с тяжелым сердцем. Слишком необычны были обстоятельства и причины этого путешествия. Ввязался майор в дело не слишком красивое и опасное, обещавшее немалую прибыль, но вот только никаких гарантий на этот счет никто ему не давал. Слова Орешина не в счет. Этот человек привык на своей должности обещать. Слова слетают с его языка так же легко, как пушинки с одуванчика.

Жмыхов в глубине души уже пожалел, что согласился на эту аферу с наследством. А как было не согласиться? В тех обстоятельствах это означало записать Орешина в свои личные враги со всеми вытекающими. Остаться у разбитого корыта вообще безо всякой вины? Это уж совсем глупо. Жаль только жене пришлось врать. Андрей не любил врать. А она, узнав, что на работе ему вдруг дали отпуск, обрадовалась и сгоряча предложила:

– Если уж ты выбрался в кои веки в отпуск, то почему бы нам не съездить на море? Я уж забыла, какого оно цвета, море...

– Синего, – буркнул он тогда в ответ. – Только море отменяется, Мариша. Прокопенко мне дал неделю с тем условием, что я попутно одно дельце проверну. В Перекопске. Как говорится, приятное с полезным. Нужно с тамошними коллегами договориться о совместной операции. Артист один объявился на горизонте, вроде видели его несколько раз в Перекопске. А мы его два года пасли, понимаешь...

Мариша сделала вид, что понимает, и Андрей был ей за это благодарен. Если бы она вдруг начала копать, да ловить его на нестыковках... Ему и без того хватало проблем. Если уж взялся за гуж, то тащи, не шарахайся. Будешь шараяться – в самый раз окажешься в канаве. Да, все нужно было делать как можно быстрее и так, чтобы комар носа не подточил. Даже плохое дело нужно делать хорошо – так учил когда-то молодого Жмыхова его начальник – веселый майор Левитин. Где-то он сейчас? Вряд ли живой. Много лет прошло. А вот совет его врезался в память.

На последней встрече с Орешиним выработали план-минимум: Андрей представляет кандидата на роль Томилина, Орешин по своим каналам готовит на него документы, удостоверяющие личность, затем они предъявляют «новоиспеченного» Томилина нотариусу и уже вплотную занимаются наследством. Во вторую очередь организуют поиски настоящего Томилина, чтобы, как выразился Орешин, «исключить любую возможность сбоя программы».

И вот эта последняя часть плана была главной головной болью Жмыхова, потому что ответственность за нее Орешин не мудрствуя лукаво возложил именно на него. «Ты с разным контингентом работаешь, – пояснил он. – Опыт у тебя, психологию ты знаешь. Наверняка есть такие личности, которыми ты на манер кукол управлять можешь. За ниточки, за ниточки их!.. Ну и, конечно, смотри по обстоятельствам. Никаких проколов, никаких следов! Любой ценой. Будет форс-мажор – поможем. Главное, не упустить темп. Нам важно, чтобы на свете остался один Томилин. Наш. В этом плане мы задействовали все каналы. Например, могу тебя обрадовать – все материалы по тому старому делу из архива исчезли. Куда исчезли, каким таким образом – никому не известно. Несчастный, можно сказать, случай. Да и кто будет интересоваться этим хламом? Если все сделаем чисто, никто никаких претензий не предъявит. А там по

мере возможности осторожненько перераспределим все наследство. В соответствии со вкладом каждого».

Жмыхов, конечно, приветствовал пропажу архивных материалов, наверняка не случайную. В конце концов, это было всегда: и улики пропадали, и свидетели чудесным образом растворялись в пространстве, и даже целые дела летели в топку. Ничего необычного в этом не было. А уж старое дело, осужденные по которому люди давно вышли из любой земной игры, действительно вряд ли кого заинтересует. Все так, но имелось одно маленькое «но»... А, пожалуй, и не такое уж маленькое, потому что на решение этого вопроса Орешин бросил одного своего родственника, тоже служившего в полиции, Виталия Лоскутова, сержанта из вневедомственной охраны, которому Прокопенко лично, как и Жмыхову, выписал отпуск.

К Лоскутову Андрей испытывал ярко выраженную неприязнь. Да и не он один. Был Лоскутов заносчив не по чину, груб и нахален. Особыми талантами не обладал, но бывал настырен и, как рассказывали, весьма отважен и жесток в рукопашной. Авторитет для него был один – Орешин, и только его Лоскутов слушался по-настоящему. Прочим он как бы оказывал снисхождение. Орешин же откровенно опекал своего родственника и редко когда давал в обиду. Наверняка Лоскутов оказывал Орешину какие-то услуги в щекотливых обстоятельствах. Вот и теперь он должен был выполнить не самое простое поручение. Юрист покойного Томилина Маевский, который теперь тоже вился вокруг Орешина (Жмыхов подозревал, что план распила наследства первоначально зародился именно в его голове), сообщил, что в контору нотариуса Самойловой заходил ее бывший муж Дроздов.

– Они долго беседовали, – объяснил Маевский. – А потом он у себя в конторе взял отпуск. Чует мое сердце, что подрядился Дроздов доставить в город Томилина. Наняла его бывшая благоверная, черт бы ее побрал! Опередить его надо, а то все наши старания коту под хвост.

Орешин отнесся к этому предположению серьезно и сразу отправил по следам Дроздова своего родственника. Полномочия он ему дал, похоже, самые широкие. Что это означает – майор не хотел даже думать. У него хватало своих дел.

Родной город встретил его жарой, порывистым ветром и грозowymi раскатами. Дождя не было, но он мог грянуть в любую минуту. Назревающая буря показалась Андрею плохим предзнаменованием, но отступать ему было некуда. С вокзала он сразу поехал в тот район, где жил человек, на которого Жмыхов возлагал большие надежды.

В старом районе мало что изменилось. Неблагоустроенный двор был пуст. Жаркий ветер гонял по асфальту пыль и мелкий мусор. Андрей нашел нужную пятиэтажку. Возле подъезда стояла покосившаяся скамейка, на которой, свесив хмельную голову на грудь, спал какой-то гражданин.

Домофона в подъезде не было. Жмыхов беспрепятственно поднялся по грязной вонючей лестнице на верхний пятый этаж и позвонил в квартиру номер пятнадцать. Через минуту щелкнул дверной замок, и на пороге возник хозяин квартиры – хмурый поджарый мужчина в замасленном фартуке, повязанном поверх одежды. Коротко стриженные волосы его были тронуты сединой, закатанные рукава рубашки обнажали мускулистые руки. В квартире пахло подгоревшим маслом.

– Здравствуй, Гриша! – негромко сказал Андрей.

Хозяин всмотрелся в его лицо, сначала с недоверием, а потом со все нарастающей растерянностью.

– Жмыхов, что ли? – наконец спросил он настороженно. – Какими судьбами?

– Я к тебе, – просто сказал Андрей. – Разговор есть.

– Разговор? Ко мне? Не понял. Сколько мы лет не виделись? Десять-то уж точно будет.

– Так что, поговорим? – перебил его Жмыхов. – Разговор серьезный. На миллион. Пойдем, посидим где-нибудь. Я угощаю.

– Исключено. Закодировался, – отрезал хозяин. – Да и некогда мне, если честно. Сейчас вот с готовкой закончу, и на смену. Я на двух работах, да еще калымлю кое-где, когда повезет. Так что извини. Многое изменилось, Андрей. Может, я в чем и провинился перед богом и людьми, но зато уж и наказан, по-моему, за двоих...

– Вот об этом я и хотел поговорить, – бесстрастно сообщил Жмыхов. – Наслышан о твоей беде, наслышан, Гриша.

– О чем ты наслышан? – враждебно спросил хозяин. – С тех пор как меня из полиции поперли, ты и не зашел ко мне ни разу, да и вообще из города уехал. Говорят, ты в Зеленодольске процветаешь. Ну а я в полной заднице, понятно? Жена тяжело больна, на операцию четырех тысяч надо, а я еле на сиделку зарабатываю. Сам-то сидеть не могу – тогда мы вообще с голоду сдохнем. Сторожом работаю в магазине через две ночи, а днями в охранном агентстве – там уж куда пошлют... Сегодня вот выходной, но мне уже на смену в магазин пора. Так что некогда мне с тобой собственные кости перемывать. Найди себе другого земляка для воспоминаний!

Он почти выкрикивал наболевшее, меняясь в лице. Андрею не понравился его настрой. Вести дела он предпочитал с людьми, не склонными к истерикам. Григорий Широков, впрочем, никогда раньше не был замечен в чем-то подобном, даже когда злоупотреблял спиртным. Конечно, жизненные ухабы кого угодно укачают, да и все равно лучшего кандидата для дела у Жмыхова на примете не было.

– Гриша, – сказал он проникновенно. – Я помочь тебе пришел. Именно потому, что все про тебя знаю. Есть шанс заработать на операцию для жены. Реальный шанс. Ну?

Широков выглядел озадаченным. Он машинально вытер руки фартуком, оглянулся назад в полутьму прихожей.

– Ты что, серьезно? – сдавленным голосом спросил он. – Я, знаешь, шуток теперь не понимаю.

– Я за триста километров не шутить ехал, – сухо ответил Жмыхов. – Только разговор это конфиденциальный. Здесь я его вести не намерен.

– Понимаю, понимаю, – забормотал, засуетился Широков. – Да, и у меня дома обстановка не та, конечно... Подмениться я уже не успею... Слушай, а давай так – я заступлю на смену, а ты подъезжай на Водопьянова, там в старые времена, может быть, помнишь, магазин школьных товаров был, а теперь автозапчастями торгуют. Вот я и сторожу железки, резину... Вообще там тихо, так что нам никто не помешает. А ты откуда про жену знаешь?

В глазах его, сделавшихся неожиданно беспомощными, светилась такая надежда, что Жмыхову стало не по себе.

– Земля слухом полнится, – буркнул он. – Я ведь не на другую планету улетел. Заезжал в Перекопск, да и земляков встречал. Извини, зай-ти все недосуг было. Сам знаешь, как это бывает. А сейчас вот взаимный интерес возник, я и пришел.

– Ну понятно, – кивнул Широков. – Жизнь есть жизнь. Так ты подгребай на Водопьянова часам к восьми. Зайди через двор к черному ходу. Там еще лампочка красная горит, и кнопка звонка сбоку. Ты позвони, а я открою.

Андрей ушел от Широкова в мрачных раздумьях. У него пропал аппетит, но он все-таки заставил себя зайти в кафе и съесть пережаренный бифштекс. Были опасения, что в кафе попадутся знакомые, но никого, кроме полупьяной молодежи, он там не встретил и к восьми часам отправился на улицу Водопьянова. Небо отгромыхало, так и не разразившись дождем, и гроза перебралась куда-то за город, посверкивая зарницами. Видимо, это было временное отступление, потому что в городе к вечеру вновь стояла духота, от которой разламывалась голова и нечем было дышать.

Весь взмокший и злой, Жмыхов добрался до места. Широков ждал его и сразу провел к себе в подсобку, где стоял топчан и стол со следами скудного ужина – электрический чайник, коробка с заваркой в пакетиках и хлебные крошки.

– Чаю хочешь? – поинтересовался Широков, приглашая гостя присесть на топчан.

Жмыхов от угощения отказался и, вытирая вспотевший лоб платком, приступил к делу. Он рассказал Широкову все, избегая лишь озвучивать настоящие фамилии. Пока это было ни к чему. Но подробности плана по отжиму наследства изложил полностью и в циничной форме. Ему хотелось, чтобы Широков не питал никаких иллюзий насчет своей роли. Закончив, Андрей снова отер лоб. Он был весь в поту, будто все это время перетаскивал тяжести.

– Вот такие дела, Гриша! – закончил он. – Не знаю, как ты на это посмотришь, но это реальные деньги. Такую сумму тебе вовек не заработать. А так и жене поможешь, и самому останется. Хорошо сыграешь роль, в обиде не останешься.

Широков в ответ долго молчал, уставившись в пол. Потом поднял голову и с усмешкой спросил:

– А если откажусь? Что ж ты не предупредил, что будет со мной, если откажусь? Взять с меня нечего, значит, убьете?

Жмыхов поморщился.

– Что ты, ей-богу!.. Как будто в тылу врага, а кругом немцы... Я вроде на убийцу не похож. Да и потом, какой тебе смысл отказываться? Будешь дальше горбатиться да клясть себя, что не согласился? Ты же умный мужик. Я потому про тебя и подумал...

– Ты потому подумал, что про мое безнадежное положение узнал, – жестко сказал Широков. – Этот никуда не денется, так ты подумал, верно ведь?

– Ну, допустим, – кивнул Жмыхов. – Но это же логика, Гриша. Благополучный человек в авантюры неохотно пускается, сам понимаешь. К тому же ты с тем племянником ровесник и внешностью похожи. Это на случай, если кто-то из старых знакомых любопытствовать начнет. Только это вряд ли. Тот человек не слишком популярен в городе. А мы тебя обреем наголо, сам черт не разберет кто есть кто. Главное, уверенность. А тебе уверенности не занимать. Я помню, какой ты был...

– Был да сплыл, – хмуро отозвался Широков. – Значит, говоришь, с фальшивыми документами на чужой каравай?..

– Документы, кстати, оформят тебе по первому разряду, – веско сказал Жмыхов. – На подлинных бланках. А что касается чужого... Знаешь, я на это проще теперь стал смотреть. Один подонок сколотил капитал, другому подонку его оставил... Кого это волнует? А ты не думал, что к этому богатству и наши с тобой денежки прилипли? Откуда все эти капиталы? Если в одном месте прибавилось, значит, в другом каком-то убавилось – это наука, Гриша!

– Может, и наши, конечно, – согласился Широков. – Только ведь не одни наши, а? Да не смотри на меня так! Мне ведь на самом деле наплевать, чьи это деньги. Мне главное, чтобы Анна поправилась. Если честно, я сейчас ради денег не только на мошенничество, я на убийство пойду!

– Ну нет, убийства нам не надо! – замотал головой Андрей. – Не дай бог!

Широков пристально посмотрел на него.

– Не дай бог, говоришь? – усмехнулся он невесело. – А как же быть с настоящим? Он что, так просто все отдаст?

Жмыхов вздохнул.

– Да он пока не знает, – объяснил он. – Может, и не узнает. Во всяком случае, думать об этом пока рано. Давайте переживать неприятности по мере их поступления, так, кажется, Жванецкий сказал? И тут я с ним полностью солидарен. Чего кровь заранее портить? А тебя эта тема вообще не касается. Тебе-то рук марать не придется.

– Кто знает? – пожал плечами Широков. – Чистым в таких делах вряд ли останешься... Но, допустим, все так и будет, как ты обещаешь. Сколько, говоришь, я получу за работу? Впри-
тык на операцию?

– Я уполномочен предложить тебе восемьсот тысяч, – медленно произнес Жмыхов. – Мне кажется, в твоих обстоятельствах этого достаточно. Однако если ты не согласен, я попробую договориться на большую сумму. Просто прикинь реально, получится ли у тебя достать такую сумму еще где-то...

На самом деле он был уполномочен предложить кандидату на роль наследника ровно миллион. Но решил, что торг будет плодотворнее, если он начнет с меньшей суммы.

Широков размышлял недолго. Взгляд его серых глаз казался совершенно спокойным.

– Хорошо, я согласен, – сказал он. – Но мне нужны деньги на расходы. Мне ведь придется оставить на время жену, верно?

– Никаких проблем, – кивнул Жмыхов и достал из бумажника увесистую пачку денег. – Вот тебе еще сто тысяч. К основному гонорару это не относится. Тебе ведь придется взять отпуск. Было бы, конечно, лучше, чтобы ты уволился, но тут я настаивать не буду. Короче, это тебе на расходы. На проезд, еду, дорогу... Завтра пойдем с утра в фотомастерскую, сделаем фотографии, а когда документы будут готовы, я тебе позвоню, и потом встречу на вокзале в Зеленодольске. На месте обсудим последние детали, а дальше уже будешь действовать самостоятельно. В свободном плавании, как говорится... Естественно, мы всегда будем рядом, но по известным причинам до поры до времени никто об этом не должен знать. Ни одна живая душа. А когда все закончится, осядешь в своем Перекопске и все забудешь. Владимир Томилин исчезнет навсегда.

– Значит, меня зовут Владимир Томилин?

– Владимир Анатольевич Томилин, – уточнил Жмыхов и опять полез в карман. – Это тебе для общего образования. Здесь биография этого хлюста. И еще план Зеленодольска. Рекомендую выучить. Кто знает, какие вопросы могут возникнуть. А так хоть будешь ориентироваться в собственных памятных датах. Названия улиц будешь знать. Где кладбище, то-се... Ну и потренируйся рисовать подпись, это очень важно. Вот образец подлинной. В общем, подойди к делу серьезно. Слишком многое сейчас на кону.

– Не бойся, не подведу, – серьезно сказал Широков, аккуратно складывая бумаги и пряча их за пазухой. – Я ведь тоже сделал ставку.

5

Виталий Лоскутов не был честолюбивым человеком. Место, которое он занимал на земле – а занимал он место сержанта полиции в городе Зеленодольске, – удовлетворяло его вполне, тем более что в приложение к этому месту он получил от судьбы некоторые дополнительные привилегии. Заместитель городского главы Орешин приходился ему родственником и, более того, родственником полезным. Влиятельный Орешин не отрекся от Виталия, как это зачастую бывает с родственниками, а, наоборот, всячески ему помогал. В городе об этом прекрасно знали и Лоскутова уважали. Или, во всяком случае, старались не связываться. Виталию это было по душе. И еще он гордился тем, что сам начальник полиции Прокопенко при встрече здоровался с ним за руку. А ведь он был всего лишь сержантом! Это тоже добавляло ему веса в собственных глазах. Лишнюю копейку на государственной своей службе он всегда мог зашибить, окружающие его побаивались, а если и шли на конфликт, то быстро тушевались, едва на горизонте начинала маячить тень всемогущего Орешина. В благодарность Лоскутов был готов исполнить любое поручение своего родственника, тем более что такие поручения, как правило, приносили и материальную выгоду тоже. Поэтому и в историю с наследством Томилина он включился с энтузиазмом и не раздумывая ни минуты. Собственно говоря, он даже представить себе не мог, что можно ослушаться дядю Диму, как он называл Орешина.

Сначала решили, что Виталий присмотрит за Дроздовым, который был когда-то мужем нотариуса Самойловой и до сих пор, как поговаривали, ее любил. Самойловой он был не нужен, она целилась теперь высоко и нашла себе мужика с большими деньгами. Тем не менее недавно Дроздов с Самойловой встречались и о чем-то договаривались в ее офисе. Об этом доложил наблюдательный Маевский, который теперь вился возле Орешина. Маевский был уверен, что заставить Самойлову обратиться за помощью к бывшему супругу могло только что-то исключительное и, вернее всего, речь шла о наследстве, а конкретно, о поисках наследника. Безбашенный Томилин мог не дать о себе знать еще лет пятнадцать, и Самойлову такой вариант, естественно, не устраивал. Тут ей и понадобился Дроздов, который, как-никак, являлся теперь сыщиком. Все это выглядело логично и правдоподобно, и было решено, что Лоскутов возьмет кратковременный отпуск и сядет на хвост Дроздову, чтобы узнать, куда тот намерен отправиться. Не исключено, что таким образом удастся выйти на самого Томилина. Ну а что делать дальше, Лоскутову пока думать не надо было, на то имелись другие люди и в первую очередь Орешин. Виталию следовало пока смотреть в оба и своевременно докладывать обо всем наверх.

Лоскутов сразу пристроился возле дома Дроздова, потому что когда человек собирается в дальний путь, он непременно зайдет к себе домой и возьмет хотя бы зубную щетку и чистую рубашку. Дроздов, однако, дома так и не появился, а утром Виталия по телефону потребовали ни много ни мало в кабинет к самому Прокопенко.

Лоскутов явился немедленно, гадая, крепко ли ему сейчас влетит. Правда, он не понимал, какой допустил промах, но это было неважно. В таких случаях начальству виднее.

Тем более он удивился, когда нагоняя не последовало. В служебном кабинете начальника УВД находились сам Прокопенко, Орешин и юрист Маевский. Виталия они встретили как родного.

– Садись, – устало сказал ему Прокопенко. – У нас тут совещание.

Выглядел начальник полиции неважно, у него было желтоватого цвета лицо, говорил как будто через силу и тяжело дышал. Совсем скоро он должен был лечь в больницу, но пока исправно появлялся в отделе и вот даже впрягся попутно в дело о наследстве Томилина.

– Обстоятельства поменялись, – объяснил Орешин. – Ты вот всю ночь у дома Дроздова торчал, не выспался, а зря. Этот хлюст вчера сразу после разговора со своей бывшей устроил

драку на автостоянке – с каким-то москвичом сцепился. Нанес ему легкие телесные повреждения. Ну и тот ему нанес. Короче, обоих повязали...

– На Дроздова, кстати, совсем не похоже, – озабоченно вставил Маевский.

Орешин покосился на него из-под кустистых бровей и буркнул:

– Похоже – не похоже! Ты о главном говори!

– Так а я о чем? – заторопился Маевский. – Он ведь с кем подрался? С москвичом, который на «Ауди» стоял около нотариальной конторы. А я навел кое-какие справки, и оказалось, что этот тип приходил к Самойловой накануне, и она после разговора с ним выглядела очень взволнованной. У меня впечатление, что Дроздов ей понадобился как раз после этого разговора.

– Вопрос – зачем приходил? – сказал веско Орешин. – Имеется в виду москвич этот?

Он так строго смотрел на Виталия, что тот оробел и пожал плечами.

– А я вот думаю, что неспроста этот москвич приходил, – назидательно произнес Орешин. – Вот есть у меня чувство, что связано это как-то с нашим делом. С Томилиным в первую очередь. Как связано, не знаю, но связано. Короче, Виталик, слушай новые инструкции. Теперь твоя задача следить за московским гостем. За Дроздовым тоже, но это если он появится в поле зрения...

– Я извиняюсь, – перебил Лоскутов. – А мне его кто-нибудь покажет? Ну, москвича? И потом, я должен знать, что он за человек. Раз его повязали, значит, личность установлена...

– Тут такое дело, – вздохнул Прокопенко. – Насчет повязали это верно. Только как повязали, так и отпустили. Что, наших не знаешь? Дежурил Смирнов. Ну и как-то они там договорились. Короче, отпустил он его, и даже факт задержания не зафиксировал. Вот до того уже самовольничать начали, что просто хочется взять и...

Он в сердцах сжал огромный кулак, взмахнул им как молотом, но потом, будто вмиг потеряв силы, остановился, разжал пальцы и только безнадежно махнул рукой.

– Я Смирнову, конечно, вставил, но сделанного не воротишь, упорхнула птичка.

Видимо, на лице Лоскутова появилось выражение огорчения, потому что Прокопенко тут же добавил:

– Но не все так плохо. Когда мне доложили, я сразу дал распоряжение тачку перехватить. Номер машины они, слава богу, запомнили. Он до поселка Веселый доехал, а там его наши тормознули. Не знаю, может, за тонированные стекла, может, за аптечку, не суть важно. Я предупредил, что, если до моего особого распоряжения отпустят, под статью подведу! Даже если ничего на лапу не возьмут, свидетелей найду, подведу под статью как миленьких! Распустились, понимаешь! За мзду мать родную готовы продать! Никаких рамок приличия не осталось!..

Он закашлял, прикрылся ладонью и как-то сразу сник, потерял весь запал. Орешин поспешил прийти ему на помощь и заботливо растолковал Лоскутову:

– Одним словом, этого парня в Веселом придержат до твоего приезда. Вернее, до устного распоряжения Петра Степаныча, – он кивнул на Прокопенко. – Которое последует сразу после твоего звонка. А ты его сделаешь, прибыв в Веселый. Знаю, у тебя «Фольксваген» новенький. Так что бери ноги в руки и шпарь в направлении Веселого. Там позвонишь, дождешься, когда появится твой подопечный, и двинешься за ним. Ну и далее по тексту... Учти, про тебя в Веселом никто знать не будет, поэтому будь там аккуратен. И форму сними! А то получится комедия, а не слежка. И еще учти – мне будешь звонить в самом крайнем случае! А вообще связь держи со Жмыховым – он сегодня вернется в Зеленодольск. У него все получилось. Эту часть вопроса мы решили. Но это полдела. Теперь нужно обеспечить безопасность. Чтобы Томилин собственной персоной здесь никогда не появился! Ни при каких обстоятельствах!

– Мне бы перекусить, Дмитрий Николаевич! – несколько растерянно сказал Лоскутов. – В животе революция.

– Революций нам не надо! – посмеиваясь, отозвался Орешин и подмигнул Прокопенко и Маевскому. – Поешь, конечно! Отдохни чуток. А этот пускай пока в Веселом, в обезьяннике посидит. Злее будет. Скорее раскроется. Нам кровь из носу нужно знать его преступные замыслы. Может, он тут и ни при чем, тогда на него и распылять силы не будем. С богом, Виталий!

Ободренный таким напутствием, Лоскутов немедленно приступил к делу. Он поехал домой, переоделся, сменив полицейскую форму на серую рубашку с накладными карманчиками и синие джинсы, хорошенько закусил и полчаса вздремнул на диване, но все без лишней спешки, потому что был уверен – москвича теперь никуда не выпустят без разрешения Прокопенко. Деньги, конечно, великая сила, но когда речь идет о хлебном месте, рисковать никто не станет. К тому же москвич, скорее всего, не имеет никакого отношения к Томилину, которого они ищут. Мало ли по какой причине ему понадобилась Самойлова. У нотариусов всегда толчется куча народу – вот тоже хлебное место! Но так или иначе, а раз дядя Дима считает, что следить надо, то он, Лоскутов, будет следить до упора. Вот только интересно, куда теперь этот артист двинется? Отправится обратно в Москву, столицу нашей необъятной родины? Здесь дел у него, похоже, больше нет, раз он уже в Веселом. Это, правда, не самый короткий путь до Москвы, но, может быть, он запутывает следы? Хотя на кой черт ему их запутывать?

В конце концов Лоскутов решил больше не ломать голову и не париться на этот счет – он не любил чересчур загружать голову. Всегда все проясняется само собой, нужно просто уметь ждать. Ну и вовремя нанести удар. Виталий немного занимался боксом и часто на жизненные обстоятельства смотрел как на события внутри ринга.

Он рассовал по карманам удостоверение, деньги и после недолгого колебания сунул за пояс левый пистолет «ПМ», который ему еще ни разу не приходилось пускать в ход. Он приобрел его, можно сказать, случайно и без каких-то особых целей, просто из любви к оружию. А этот пистолет был чистый. При его работе оружие всегда к стати. Вот, например, сегодня. Речь о применении ствола, конечно, не шла, и вряд ли дядя Дима одобрил бы, если бы Лоскутов стал размахивать не по делу пистолетом, но кто может знать, что ждет Виталия дальше и какие мысли в голове у москвича, которому в Зеленодольске и так уже сильно испортили нервы?

Заперев квартиру, Лоскутов вывел из гаража новенький «Фольксваген», к которому толком не успел еще привыкнуть, уселся за руль, спрятал в бардачке пистолет и запустил мотор. Дорога на Веселый не отличалась особой интенсивностью движения, потому в скорости Лоскутов себя не ограничивал. Через полтора часа он уже подъезжал к границам поселка.

Веселый оказался довольно большим населенным пунктом, расположенным на плоской равнине, покрытой серебристым ковылем и полынью. Далеко на горизонте синела полоска леса. Туда убегала пустынная асфальтированная дорога, над которой струились потоки раскаленного воздуха. Там в лесу царили почти невероятная тишина и прохлада, но дотуда нужно еще добраться. В самом поселке немало зелени, но даже под деревьями не было спасения от духоты. Пыльные улицы казались неживыми. На главной площади поселка находилось здание местной полиции, какой-то уродливый памятник из цемента стоял и черный «Ауди» с московским номером, который Виталий выучил наизусть еще в Зеленодольске. Удовлетворенный увиденным, он проехал еще полквартала, остановил машину под раскидистым кленом и, как договаривались, позвонил Прокопенко.

– Понял, – скупое ответил начальник. – Сейчас дам команду. Жди.

Лоскутов знал, что больше никаких распоряжений не будет, и убрал телефон. Затем он стал с большим любопытством ждать, рассматривая площадь за своей спиной в зеркало заднего вида, а когда из полиции вышли люди, то не утерпел и высунулся из окошка.

Он увидел, как с крыльца отделения спустился немалого роста мордovorот в помятом костюме и черных очках и размашистой походкой направился к своему «Ауди». Момент

посадки в автомобиль особенно интриговал Лоскутова, потому что несколько часов на открытом солнце должны были превратить черную машину в подобие жаровни для гриля.

Судя по всему, так оно и было, потому что москвич, сев за руль, лихорадочно пооткрывал все окна, видимо, у него кондиционера в салоне не было, и рванул с места так, будто намеревался взять звуковой барьер. Менты, наблюдавшие за ним с крыльца, пальцем не пошевелили, чтобы пресечь нарушение, наверняка им было приказано москвича больше не тревожить.

«Ауди» промчался мимо Лоскутова, как горячий вихрь, и тому показалось, что он слышит раскаты матерной брани из раскрытых окон.

– Что, брат, пробрало? – усмехаясь, пробормотал Лоскутов и завел машину. – У нас не Москва.

Что он имел в виду, было неясно, потому что гость наверняка и сам заметил некоторые различия между Зеленодольском и столицей. Первые десять километров он несся на всех парах и даже чуть не слетел в кювет, попав в приличных размеров выбоину на дороге, но все-таки справился с управлением и дальше поехал уже медленнее и осмотрительнее. Было ясно, что он окончательно решил покинуть область, граница которой пролегла как раз там, где темнела приближающаяся полоса леса. Но куда же он направлялся?

Лоскутов размышлял об этом, следуя за москвичом, не увеличивая скорость, но и не отставая. Не стоило прежде времени мозолить глаза этому громиле. Разумеется, Виталий нисколько его не боялся, да и пистолет в бардачке придавал уверенности, но Орешин категорически не советовал светиться и за любое неоправданное действие обещал спустить три шкуры.

Постепенно движение на дороге оживилось. Навстречу Лоскутову промчалась колонна грузовиков, пять-шесть легковушек и карета «Скорой помощи». Обгоняли его меньше – всего две или три машины, но и этого было вполне достаточно, чтобы его «Фольксваген» не так бросался в глаза. Не станет же этот московский понтарь воображать, что за ним отрядили специального человека! Лоскутов вообще мало верил, что из его слежки выйдет толк. По его мнению, следить за Дроздовым было бы вернее. Хотя Дроздов повел себя как-то несерьезно с самого начала. Устроил потасовку с незнакомым человеком, попал в полицию... И это бывший следак! Хотя правильно говорят, от сумы да от тюрьмы не зарекайся, но все-таки солидному человеку такое поведение не к лицу. Лоскутов Дроздова не знал лично, но слышал, что о нем говорили люди, и выходило, что человеком тот был серьезным, покладистым и трудолюбивым. Безобразная уличная драка без веских причин была совершенно не в его стиле. А что, если причина все-таки была? И Дроздов и москвич в течение короткого времени навещали Самойлову, у которой, образно говоря, все ключи к наследству, а после этого между ними случилась драка. Да, не все так просто. Эх, как бы заглянуть москвичу в его бычьи мозги!

Размышляя, Виталий не заметил, как добрался до леса. При ближайшем рассмотрении лес оказался сухим, жарким, озаренным предзакатным красным солнцем. В лесу дорога начала петлять. Преодолевая поворот за поворотом среди густых лиственных зарослей, Лоскутов испугался, решив, что упустил москвича. Он прибавил скорость и вдруг увидел черный «Ауди» с распахнутой дверцей, стоящий на обочине. В салоне было пусто.

Лоскутов раздумывал недолго. Проехав еще несколько метров, он свернул на обочину и затормозил. Посидел немного, поглядывая по сторонам. Потом осторожным движением извлек из бардачка пистолет и сунул сзади за пояс. Пришлось также достать с заднего сиденья холщовую куртку и накинуть на плечи, чтобы прикрыть торчащую из брюк рукоятку. Было жарковато, но Лоскутову не хотелось, чтобы москвич насторожился. Тот его не знал, и можно было со спокойной совестью предложить ему помощь, разговорить, возможно, что-то узнать о намерениях. Гнев, вызванный задержкой, отсидкой в двух обезьянниках и жарой должен был уже в какой-то степени улечься.

Виталий выбрался из машины и, бесшумно ступая, направился к чужому автомобилю. Раскрытая дверца притягивала как магнит. Лоскутову казалось, что в брошенной машине он может найти ответы на свои вопросы. Искушение было слишком велико.

«Куда он побежал? – подумал Виталий, вглядываясь в лесное кружево. – Может, живот схватило? Успею обшмонать?»

Ни звука не доносилось из зарослей. Не было никого видно.

«В конце концов, скажу, что забеспокоился, – решил Лоскутов. – Вдруг водителю плохо стало, или помощь какая требуется... Чисто по-человечески...»

Уже без колебаний он сунул голову в салон чужой машины. Там пахло горячей нагретой кожей, табаком и каким-то вонючим дезодорантом. Ключей в замке не было. На сиденьях ничего не лежало. Лоскутов потянулся к бардачку. Что-то подсказывало ему, что главная тайна владельца автомашины хранится именно там. Ну а если никаких тайн там нет, то все равно было очень любопытно поглядеть.

До замка он не дотянулся, потому что сзади послышался негромкий, злой голос, который отчетливо произнес:

– Убрал руки, сука!

Лоскутова слегка задело, что его, сержанта полиции, так запросто называли сукой, но он вовремя вспомнил, что погон на нем нет, и вообще не время сейчас обижаться. Он вылез из салона и медленно повернулся.

Метрах в четырех от него стоял хозяин «Ауди» на этот раз без черных очков, в мятых запыленных брюках и рубашке с закатанными рукавами. Левой рукой он придерживал перекинутый через плечо пиджак, а в правой сжимал пистолет, направленный прямо на Виталия.

– Тихо-тихо-тихо!.. – голосом гипнотизера проговорил Лоскутов, внимательно и тревожно вглядываясь в лицо человека напротив. – Не надо горячиться, приятель! Я не хотел ничего плохого...

– Ты чего тут роешься, крыса? – перебил его хозяин «Ауди». – Ты чего вынюхиваешь?

– Не гони! Я просто ехал мимо, вижу, тачка... – начал врать Лоскутов.

– Первый раз в жизни тачку увидел? – прорычал человек с пистолетом. – Да я видел, как ты меня от самого поселка ведешь! Что тут у вас творится? Какого хрена вам всем от меня надо? Тебе конкретно, чего надо, тварь?

«Опаньки! А он меня сейчас элементарно продырявит, – с некоторым испугом подумал Лоскутов. – В состоянии аффекта, ага!.. Глаза-то вон бешеные!.. Так что в гробу я видал, дядя Дима, ваши проблемы, если ради них во мне дырки будут сверлить... Извини, своя рубашка, как говорится...»

Стараясь действовать незаметно, он постарался придать своему лицу выражение абсолютной невинности, а его правая рука тем временем осторожно скользнула назад, за спину и нащупала рифленую рукоятку пистолета.

– Слышь, мужик! Ты меня не так понял! – с фальшивым благодушием сообщил Виталий хозяину «Ауди». – Я же реально помочь хотел. Смотрю, тачка... Никого нет. Мало ли что в дороге случиться может.

– Случиться может! С тобой сейчас что-нибудь точно случится...

Он шагнул вперед, но Лоскутов уже добрался до пистолета. Побледнев, он выхватил оружие и направил его на своего оппонента и приказал, срываясь на крик:

– Бросай пушку! Бросай, я сказал!

«ПМ» еще стоял на предохранителе, стрелять Лоскутов не собирался, это было бы уж слишком. Он рассчитывал на то, что владелец «Ауди» сыт приключениями по горло и ввязываться в новое не станет. Сам бы он при подобных обстоятельствах ни за что не стал рисковать. Но его противник рассудил иначе. Он выстрелил, не раздумывая.

Виталий ничего не понял. Ему почудилось, будто огромная кувалда, сорвавшаяся откуда-то с верхушки самого высокого дерева, с разгона врезалась ему в лоб. Он даже боли не успел толком почувствовать, как все вокруг погрузилось в беспросветную темноту. Колени у Лоскутова подогнулись, и он упал на пыльную траву, распластавшись как тряпичная кукла.

Темнота рассеялась нескоро. Чувства медленно возвращались к Лоскутову – звуки, запахи, – все пребывало в странном хаосе и с трудом просачивалось в его сознание. Виталий долго не мог сообразить, что за холодная жидкость стекает по его лицу и груди, что за тень двоится и мечется перед глазами, но потом в глазах у него прояснилось, и Лоскутов увидел, что какой-то человек, стоя на коленях, поливает его холодной водой из большой пластиковой бутылки. Виталий попытался усилием воли слить воедино двоящуюся фигуру, и это удалось ему не сразу. Он только понял, что это совсем другой человек, не тот, что в него стрелял. Мысль об этом принесла некоторое облегчение, но когда он присмотрелся к склонившемуся человеку, то вдруг с огромным изумлением узнал в нем Дроздова, за которым ему тоже нужно было следить.

«Этот-то тут откуда? – начал соображать Лоскутов. – И вообще, где это мы?»

Соображал он туго. Мешал назойливый гул в голове и боль, от которой, казалось, вот-вот лопнет череп. Он только понял, что лежит на земле под деревьями, а сквозь листву просматривается сильно потемневшее небо. Наступали сумерки.

– Ага, очухался! – радостно констатировал Дроздов и сунул Лоскутову бутылку с остатками воды. – А я думал, ты, брат, того... Кто это тебя так?

Виталий кое-как собрался с мыслями. Было понятно, что Дроздов ни о чем не догадывается. Но как он тут оказался и почему взялся спасать Лоскутова? Нужно было прояснить этот момент. Однако Виталию даже не пришлось задавать никаких вопросов.

– А я еду, смотрю, «Фольксваген» на обочине торчит, – сам принялся рассказывать Дроздов. – Мне это подозрительным показалось. Стемнеет скоро, а тут машина открытая, и никого. Ну, я остановился, посмотрел... Твой это «Фольксваген»? Ну так имей в виду – все четыре колеса проколоты. Бардачок перевернули, в багажник заглядывали. Если что ценное было, можешь распрощаться. Скажи спасибо, хоть сам живой. Тебя, видать, из травматики с близкого расстояния... Потом вот подальше от дороги оттащили, в кусты бросили. Но я тебя нашел. Как себя чувствуешь-то? Ты лежи-лежи, я сейчас «Скорую» вызову...

Лоскутов замахал руками, преодолевая боль, сел, привалившись спиной к стволу дерева. Перед глазами поплыло. Потом его вырвало.

– Не надо «Скорую», – сказал он. – Все нормально. Я сейчас...

– Да где нормально? – с сомнением проговорил Дроздов. – У тебя на лбу такой фингал – беременным женщинам лучше не смотреть, сразу выкидыш будет... Да и вообще, сам ты без колес не уедешь, а мне тебя везти недосуг, у меня, брат, срочные дела. Я и так опаздываю.

– Не надо «Скорую», – повторил Лоскутов. – Я тоже тороплюсь. Не повезло просто. Тебе туда? Так, может, захватишь?

Он уже понял, что Дроздов оказался здесь не случайно, что, скорее всего, катит он по следам все того же москвича. Узнал у ментов, в каком направлении тот двинул, и теперь навестывает упущенное. Он-то наверстает, а Виталий, если даст сейчас слабину, окажется не у дел и будет иметь очень неприятный разговор с Прокопенко и дядей Димой. Но вот только с новеньким «Фольксвагеном» что делать? Звонить надо – предупредить и попросить отогнать машину. Для Прокопенко это не проблема. Даст команду, и местные присмотрят.

Тут же обнаружилось, что москвич прихватил его мобильник. И пистолет тоже. Лоскутов даже застонал от досады, и Дроздов с тревогой посмотрел на него.

– Это я так, – хмуро сказал Виталий. – Слушай, дай мобилу на пару минут! Мне один интимный звонок сделать надо. Будь другом, а?

– Да не проблема! – Дроздов широким жестом протянул свой телефон. – Звони, а я пока на шоссе. Если чего, свистни, я помогу!

Как только Дроздов скрылся за пологом листвы, Лоскутов поспешно набрал номер личного телефона Прокопенко. Начальник был уже дома, голос его звучал устало и недружелюбно, но звонок сержанта он принял к сведению и пообещал разобраться с машиной. Виталий был удивлен тем фактом, что Лоскутова подобрал не кто иной, как Дроздов, и прокомментировал это так:

– Ты, видно, в рубашке родился, сынок! Тебе и напрягаться не надо, дичь сама к тебе тянется. Ты только будь осторожнее и не портачь больше, учти, в другой области я тебе помочь не смогу. И вообще, когда будешь посвободнее, выйди на связь и поясни все обстоятельно. Только уже не мне, а как договаривались, Жмыхову. Он уже на месте. Все. Отбой!

Виталий влез в настройки телефона и стер в журнале все следы своего звонка. Потом вытер пот со лба, ощущая, как сверлит голову чудовищная боль, и, спотыкаясь на каждом шагу, побрел к дороге.

Чувствовал он себя отвратительно, а вдобавок ему было чертовски обидно, как отнесся к его беде Прокопенко. Сунули на самый опасный участок, не подстраховали и еще упрекают в том, что он, видишь ли, напортачил! Посмотрел бы он на них! После такого удара он имеет полное право взять тайм-аут, очухаться, сходить к врачу, но кого это интересует? У них на первом плане деньги, бабло, а люди, даже свои, ничего не значат. Вот так и живем, по закону джунглей... При этом Лоскутов понимал, что послушаться не может и будет рыть землю зубами, даже если мозги из ушей потекут.

Дроздов встретил его на обочине, с любопытством осмотрел с головы до пят.

– Ну, как ты? Может, все-таки отвезти назад до Веселого? В медпункте врач посмотрит. А то вон зеленый весь, как та крокодила...

– Нет, спасибо, – буркнул Лоскутов, возвращая Дроздову телефон. – Лучше захвати меня, куда сам едешь. Мне по дороге.

– Уверен? Ну смотри! – покачал головой Дроздов. – Не вздумай у меня в машине дуба дать! Мне это не с руки, понимаешь? Во-первых, я тачку у друга взял, неудобно, если с покойником приеду, а во-вторых... Ну, не с руки, короче.

– Сам не хочу, – мрачно сказал Лоскутов. – Не планировал я на этой неделе помирать? Я только у тебя на заднем сиденье покемарю, ладно? А то голова раскалывается, сил нет! Отдых мне нужен, а не врач.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.